

ЖИРОНДА В ПЕРИОД ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Буржуазия и Великая французская революция.

М., 1989. С. 53-96, примечания 195-199.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Одним из наиболее значимых явлений периода Великой французской революции был процесс зарождения и развития специфических форм политической организации французской буржуазии. Наметившийся еще накануне революции, этот процесс отражал теперь становление буржуазии как нового господствующего класса Франции и имел ключевое значение для складывания политической системы утверждавшегося буржуазного общества.

Наиболее зримо он протекал в период Законодательного собрания (точнее — с лета 1791 по лето 1792 г.), когда была сделана попытка утвердить буржуазный порядок во Франции на основе представительной системы правления при наличии широкого спектра буржуазно-демократических прав и свобод. Главными элементами этого режима, закрепленными в Конституции 1791 г., были однопалатный парламент, контролировавший деятельность назначаемого королем правительства, цензовое, но все же невиданно демократичное по тем временам избирательное право, полный набор политических свобод, избираемость сверху донизу всей администрации на местах.

Появление в период Законодательного собрания целого ряда буржуазных политических организаций диктовалось потребностями складывавшейся новой политической системы. Наиболее показательна история политической группировки жирондистов, сыгравшей важнейшую роль в развитии событий на данном этапе революции.

1. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ

Изучение истории Жиронды как особой формы политической организации буржуазии выдвигает в качестве одной из главных задач определение круга людей, которых можно применительно к лету 1791 — лету 1792 г. называть жирондистами, рассматривать в качестве субъектов, носителей идейных установок и политической практики Жиронды.

Процесс складывания жирондистской группировки протекал через развитие определенных, специфически присущих ей форм организации. Поэтому представляется, что рассмотрение этих форм, их трансформации на том или ином этапе деятельности Жиронды позволит охарактеризовать основные тенденции процесса зарождения и складывания этой политической группировки.

Уже в заключительный период деятельности Учредительного собрания происходило постепенное сближение ряда политиков и журналистов, группировавшихся вокруг определенных парижских кружков и политических объединений, в том числе Общества друзей чернокожих, которое существовало с 1788 г. Среди членов Общества были Ж.-П.Бриссо, Ж.Петион, Ф.-К.Лантена, аббат А.Грегуар. В этот же период обратило на себя внимание появление двух небольших политических кружков. Центральными фигурами одного из них являлись Бриссо, Грегуар, К.Демулен, Э.Лусталло, во главе второго стояли Лантена и Грегуар. Членов этих кружков объединяло одинаковое понимание ряда актуальных проблем политической жизни. Имена большинства из них мы встретим позже среди жирондистских лидеров¹.

В феврале 1791 г. в Париж приехали из Лиона супруги Ролан, дом которых стал вскоре одним из мест, где собирались политики и журналисты, составившие ядро будущей Жиронды. С некоторыми из них (с Лантена, Бриссо, Боском, Б.-А.Банкаль дез Иссаром) Роланы были знакомы уже давно. Во многом именно благодаря Бриссо салон Роланов превратился в важный центр политической жизни. Это были собрания единомышленников, ощущавших потребность в координации действий. "...Друг Петиона... Бриссо представил его нам, — вспоминала г-жа Ролан, — так же как и многих депутатов (помимо Петиона здесь часто бывал и Ф.Бюзо. — Э.Г.), старые связи или одно только единство принципов и уважение к общественному делу собирали их зачастую вместе для обсуждения связанных с этим проблем"². Этот салон просуществовал до конца августа 1791 г.

Весной — летом 1791 г. произошло сближение деятелей из салона Роланов с аббатом К.Фоше — одним из руководителей "Социального кружка", и массовой организации этого объединения — "Федерации друзей истины". Собрания "Федерации" посещали Ролан и Бриссо; активно участвовал в ее деятельности Кондорсе. Их связи с Фоше устанавливались через Лантена и Банкаля³.

К периоду Вареннского кризиса лета 1791 г. относятся сведения о ряде политических собраний, “комитетов”, в центре которых все те же будущие жирондисты. Э.Дюмон, близкий в 1791—1792 гг. к жирондистам, сообщает в мемуарах: “Кондорсе в момент бегства короля становится законченным республиканцем. Клавьер, Бриссо, Петион, Бюзо собирались, чтобы обсудить этот вопрос (речь шла о возможности введения во Франции республиканской формы правления. — Э.Г.). Об этом говорили у Биддермана, и я видел, как формировалась первичная основа той точки зрения, которая укрепилась в средиземноморских провинциях”⁴. Местом обсуждения проблем, связанных с дискуссией о республике и республиканизме, служил также дом уже упоминавшегося выше Э. Клавьера, с которым Бриссо тесно сблизился именно летом 1791 г. Аббат Грегуар, тогда депутат Учредительного собрания, вспоминал: “Петион, Бриссо, Ноай и кое-кто еще — мы, собравшись у Клавьера, обсуждали, что те из нас, кто был членом Собрания, могли противопоставить сторонникам неподсудности короля”⁵. Вопросы текущей политики обсуждались и на квартире Петиона⁶.

Помимо этих политических собраний и салонов перечисленные политики и журналисты группировались с весны — лета 1791 г. вокруг ряда газет. Одной из них стала “*Republicain*”, которая была задумана в салоне Роланов как рупор обсуждавшихся здесь идей. Сотрудниками и редакторами этой газеты являлись Бриссо, Ж.А.Кондорсе, Т.Пэн, Э.Дюмон, Дюшатле (бывший военный, близкий к жирондистам)⁷. Среди сотрудников ежемесячника “*Chronique du mois*”, в будущем одного из прожирондистских изданий, были Клавьер, Кондорсе, Биддерман, Лантена, С.Мерсье и др.

В целом к концу деятельности Учредительного собрания произошло основанное на едином понимании некоторых политических проблем сближение ряда политиков, журналистов, общественных деятелей, особенно отчетливо проявившееся весной — летом 1791г. Ядро этой группы состояло, очевидно, из постоянных посетителей упомянутых собраний и салонов, среди которых были Бриссо, Петион, Кондорсе, Клавьер, супруги Ролан, Лантена, Банкаль дез Иссар, аббат Грегуар, Бюзо. К ним тесно примыкали Биддерман, Боск, Дюшатле, а также Фоше и Т.Пэн. Многие из этих лиц сыграют затем решающую роль в деятельности Жиронды в период Законодательного собрания и позднее, в период Конвента.

В тревожные дни августа 1791 г. некоторые из этих деятелей уже вполне осознавали потребность в единстве. Так, г-жа Ролан писала Банкалю 19 августа 1791 г.: “Я считаю за честь сообщить Вам, что вы просто обязаны пообедать сегодня с нами: Бриссо только что вышел от нас, он должен вернуться, и мой друг (Ролан.— Э.Г.) считает, что наступил момент, когда добрые граждане должны объединиться и действовать заодно. Эта доктрина доброго согласия близка моему пониманию, и я надеюсь, что она не противоречит и вашему”⁸.

Следует отметить, что этих людей объединяли также и личные связи. Так, давние дружеские отношения существовали между Роланами, Банкалем, Боском и Лантена, знакомыми с 1780 г. Бриссо и Петион — земляки, уроженцы Шартра — тесно сошлись между собой именно весной 1791 г., как и Клавьер с Бриссо. Клавьер, в свое время ближайший помощник Мирабо, после смерти последнего все надежды на продолжение политической карьеры перенес на Бриссо, быстро набиравшего тогда влияние. Биддерман был компаньоном Клавьера в делах, оба они, как и Дюмон, уроженцы Женевы. С лета 1791 г. на почве общих политических интересов завязались дружеские отношения между Грегуаром, Бюзо, Бриссо и Роланами⁹.

Изменение политической ситуации после вступления в сентябре 1791 г. в действие Конституции, а также отъезд в конце августа — начале сентября из Парижа Грегуара, Роланов, Банкаля, Фоше, Бюзо прервали на время процесс формирования группы. К концу лета 1791 г. лишь наметились некоторые ее организационные черты и состав.

Новый период в складывании политической группировки, отождествляемой с будущей Жирондой, открылся с началом работы Законодательного собрания (1 октября 1791 г.) и длился по март 1792 г. Он характеризовался созданием и активной политической деятельностью так называемого “Комитета Вандомской площади” — объединения ряда депутатов Законодательного собрания, общественных деятелей и журналистов. “Комитет” этот принял форму традиционного парижского салона и располагался на Вандомской площади, в доме некоей г-жи Доден, вдовы богатого администратора Индийской компании, близкой знакомой Верньо. Лидерами “Комитета” стали депутаты — представители прежней “парижской” группы: Бриссо, Кондорсе, Клавьер, а также депутаты Собрания от Бордо и департамента Жиронда — Верньо, Гаде, Жансонне и Дюко. Ими, однако, отнюдь не ограничивался состав посетителей салона.

Данные различных источников сходятся в том, что указанные собрания выполняли роль координирующего центра, где вырабатывались политические решения, а их участников объединяло единство взглядов по основным проблемам текущей политики. Бриссо вспоминал: “...с момента созыва Законодательного собрания прибывшие в Париж депутаты от Жиронды искали моей дружбы в силу моей позиции по колониальному вопросу. Мы решили встречаться три раза в неделю, за час до начала работы Национального собрания... Во время этих завтраков мы обсуждали вопросы, которые должны были быть поставлены в Собрании”¹⁰. Дюмон, вернувшийся в марте 1792 г. в Париж из поездки в Швейцарию и введенный в этот салон через Бриссо, Клавьера и Кондорсе, писал о его посетителях в том же духе: “Они приходили сюда для того, чтобы согласовать свои действия перед тем, как отправиться в Собрание...”¹¹ На этих собраниях бывали Бриссо, Клавьер, Кондорсе, Редерер, Жансонне, Гаде, Верньо, супруги Дюко, Лантена, Серр, а после возвращения в декабре 1791 г. в Париж — и Ролан¹². “Комитет Вандомской площади” сумел организовать в

марте 1792 г. падение кабинета Делессара—Монморена и фактически сформировал первое министерство жирондистов в марте — мае 1792 г. Именно к деятелям, входившим в этот “Комитет”, обратились тогда представители короля и двора, как к официальной оппозиции, силе, способной сформировать правительство¹³.

Другим центром политических собраний для той же группы лиц стала парижская ратуша, где Петион (с октября 1791 г. — мэр Парижа) устраивал “общественные обеды”, о которых Дюмон писал позже следующее: “Я ходил в мэрию (т. е. в ратушу. — Э.Г.) на общественные обеды Петиона, где собиралась Жиронда, Беседы всегда были направлены против двора. Здесь говорили о заговорах в Кобленце, об Австрийском кабинете, об измене двора...”¹⁴ В числе посетителей этих собраний — все тот же круг лиц. Дюмон называет основных членов упомянутой им “Жиронды” — Верньо, Гаде, Бриссо, Жансонне, Серр, Редерер, Кондорсе, Ласурс. Кроме того, весной 1792 г. здесь появились Ролан и другие министры-жирондисты (Серван, Клавьер), а в июле 1792 г. и Барбару¹⁵.

Итак, уже с первых дней работы Законодательного собрания прослеживалось сближение группы политиков, депутатов, журналистов, реализовавшееся в организационном плане в деятельности ряда политических салонов, собраний, “комитетов”. Источники уверенно отождествляют складывавшееся объединение с Жирондой. Участие в этом процессе “парижан” — политиков, пытавшихся объединяться в рамках подобных же форм еще весной — летом 1791 г., — позволяет говорить об определенной преемственности в использовании уже более или менее отработанных способов организации.

С начала весны 1792 г. наступил новый, третий этап в деятельности группы. Резко возросла ее роль в политической жизни, влияние в Собрании. Жирондисты добились права на формирование министерства, окончательно определилось их место среди прочих политических сил. Указанные события сопровождались дальнейшим развитием характерных для этой политической группировки форм организации и расширением ее состава.

Весной 1792 г. вновь начал функционировать салон г-жи Ролан, вернувшейся с мужем в Париж в декабре 1791 г. Роланы восстановили связи с членами бывшей “парижской” группы — Боском, Банкалем, Лантена, Бриссо. После того как в марте 1792 г. деятели из “Комитета Вандомской площади” провели Ролана на пост министра внутренних дел в первом министерстве жирондистов, салон г-жи Ролан переместился в “отель” министерства и стал важнейшим организационным центром Жиронды.

“Я часто видела с Бриссо многих других членов Законодательного собрания, — отмечала г-жа Ролан, — они бывали у меня... вместе с министрами и поддерживали с ними ту связь, которая необходима людям, отдавшим себя целиком общественному делу и нуждающимся во взаимном согласии и обмене информацией, чтобы лучше ему служить”¹⁶. Среди посетителей салона были Бриссо, Верньо, Жансонне, Гаде, Дюко, Клавьер, Лантена, Луве, Банкаль, Боск, Дюлор, Серван, Серр, а также, очевидно, Петион, Горса, Манюэль, а позже — Барбару и Ребекки¹⁷.

Вообще именно Роланы наиболее отчетливо проявляли осознанное стремление к объединению, организации близких им по убеждению людей. Едва получив присланный Ж.-А.Дюлором номер издаваемой им газеты с похвалами в свой адрес, г-жа Ролан поблагодарила его и пригласила к себе уже как единомышленника: “Примите мою благодарность и не забывайте, что господин Ролан устраивает обеды у себя по понедельникам и что он разделяет ваше мнение о необходимости увеличивать число добрых граждан, которыми он стремится себя окружить”¹⁸. Луве вспоминает о времени своего сближения с Роланами: “Оба они (Ролан и его жена. — Э. Г.) настойчиво уговаривали меня писать для дела, которое нуждалось в тесном объединении всех лиц, способных претворить его в реальность”¹⁹.

Мало что известно о степени внутренней дисциплинированности жирондистских собраний. Однако, например, постепенный отказ Дюмуре (министра в первом министерстве жирондистов) от посещений салона г-жи Ролан и его нежелание прислушиваться к мнению лидеров Жиронды были восприняты как своего рода измена. “...Он перестал видаться с депутатами, — отмечала г-жа Ролан, — и казался недовольным, встречая их у меня. Приходил он редко. Учитывая это его поведение, я сказала Ролану, что... пришел час расстаться с Дюмуре, если мы не желаем быть повергнутыми им...”²⁰

Анализируя процесс складывания Жиронды, сплочения ее в рамках специфических организационных форм, нельзя пройти мимо вопроса о месте в этом процессе Якобинского клуба и клубной организации вообще. Доминируя в Якобинском клубе до декабря 1791 г. (с момента ухода фейянов из Клуба в июле 1791 г.), жирондисты с периода дискуссии о войне зимой 1791/92 г. испытывали нараставшее сопротивление формировавшейся Горы, которое к концу апреля 1792 г. привело к открытому столкновению с Робеспьером и его сторонниками. Не случайно жирондисты с самого начала функционирования Законодательного собрания воссоздали и активно развивали свою, параллельную клубной, “салонную” “комитетскую” организацию. При всей аморфности и неопределенности последней, именно она весной — летом 1792 г. фактически выполняла для жирондистов роль центра, где вырабатывались политические решения, координировалась деятельность.

Для монтаньяров такую роль отныне будет играть главным образом завоевываемый ими Якобинский клуб (подробнее о взаимоотношениях Клуба и Жиронды см. ниже).

Можно предположить, что размежевание с будущими монтаньярами, которые стали вскоре отождествляться с якобинцами, ускоряло процесс сплочения Жиронды, отражая не только острую борьбу между двумя группировками революционных политиков, но и чисто организационное отделение жирондистов от Якобинского клуба. Не случайно на собраниях у Петиона зимой — весной 1792 г., по воспоминаниям Дюмона, “осуждалась не только умеренность фейянов, но и анархическая яркость якобинцев”²¹. Не случайно также и то, что сама организационная практика жирондистов была сразу же отмечена и осуждена якобинцами — сторонниками Робеспьера. Так, в апреле 1792 г. Робеспьер с трибуны Клуба призывал своих противников выступить против него в Обществе гласно, а не на частных собраниях²². Тогда же, в апреле, Марат в письме к Петиону, явно намекая на устраиваемые последним политические обеды, осудил его за допущение дурных граждан к своему столу (назвав при этом имена Ласурса, Редерера, Бриссо) и очень настороженно отозвался о тайных узах, объединявших их с Петионом²³. Через месяц, в мае 1792 г., Робеспьер в одном из номеров издававшейся им газеты “*Defenseur de la Constitution*” упрекал Ролана за то, что дом последнего стал местом встреч интриганов, “новой клики”, враждебной патриотам²⁴. Показателен отказ Шабо от участия в этих собраниях жирондистов, к которым его пытался привлечь Бриссо еще в начале работы Собрания: “Я не желаю посещать иные собрания, кроме как у якобинцев. Это Собрание — не Конституанта, устройство которой нуждалось в ведущих и ведомых. Здесь все мы — депутаты народа. Народ за нас, необходимо действовать открыто”²⁵. Очевидно, различное отношение к формам организации типа салонов и “комитетов” уходило корнями в различные социальные ценностные ориентиры, модели политического поведения обеих групп революционных политиков — жирондистов и будущих монтаньяров.

Интересные наблюдения позволяют сделать изучение организационной практики “жирондизма” как политического течения в самом департаменте Жиронда и в Бордо, где в отличие от Парижа жирондистские элементы уже с 1791 г. консолидировались на базе клубной организации. Центром жирондистов и отравителем устремлений торгово-промышленной и интеллектуальной элиты Бордо в 1791—1793 гг. стал местный Клуб друзей Конституции. Клуб этот, связанный с широкой сетью клубов в остальных городках департамента, противостоял Национальному клубу Бордо, который олицетворял монтаньярское течение в клубистском движении города. Впоследствии Клуб друзей Конституции стал одним из важнейших центров федералистского движения в Бордо и департаменте Жиронда. Именно с ним поддерживали связи жирондисты в 1791—1793 гг. Членами его были Верньо, Гаде, Гранженёв, Жансонне, Дюко²⁶.

Наличие у жирондистов достаточно устойчивых специфических форм организации, последовательно выкристаллизовавшихся в период лета 1791 — лета 1792 г., позволяет с новых методических позиций подойти к решению вопросов о составе и структуре Жиронды, наиболее сложных в современной литературе, посвященной истории этой группировки²⁷. Применительно к периоду Законодательного собрания отсутствуют такие критерии их решения, какие для периода Конвента с большей или меньшей степенью надежности дают проскрипционные списки лета — осени 1793 г.* или результаты поименных голосований в Конвенте зимы — весны 1793 г. Представляется, что одним из ключевых признаков при определении состава Жиронды в период Законодательного собрания следует считать участие в деятельности жирондистских собраний, салонов, комитетов, так как именно они стали организационными формами объединения политиков и идеологов, входивших в эту группировку.

Подобный подход позволяет несколько по-новому обрисовать ее структуру, наиболее характерной чертой которой являлась внутренняя неоднородность. Применительно к периоду Законодательного собрания можно выделить крепкое ядро лидеров группировки, определявшее и формировавшее ее идейно-политические установки и к тому же достаточно организованное в рамках жирондистских салонов и собраний. К этому ядру, насчитывавшему, очевидно, 30—40 человек, примыкал ряд политиков, журналистов, общественных деятелей, игравших вспомогательную, второстепенную роль в деятельности Жиронды. Более широкий круг лиц входил в жирондистское крыло Законодательного собрания, представляя прожирондистское течение в Якобинском клубе, в прессе и публицистике, среди политиков в провинции, которые постоянно поддерживали политическую линию Жиронды и разделяли идейные установки ее лидеров. В корне неверны и малопродуктивны любые попытки определить с точностью до одного человека состав группировки, рассматривая ее как однородное целое, причем не только применительно к периоду Законодательного собрания, но и в не меньшей степени применительно к периоду Конвента.

Если говорить о тех, кто мог реально претендовать на роль лидеров жирондистов, то следует назвать ряд имен, круг которых постепенно определялся до лета 1792 г. по мере развития группы. Противники жирондистов — будущие монтаньяры, обозначив в ходе бурных политических дебатов весны — лета 1792 г. Жиронду как “клику” (“faction”), называли в качестве ее лидеров Бриссо, М.Э.Гаде, П.Верньо, Кондорсе²⁸. Дюмор, вспоминая о зарождении в начале 1792 г. “партии” (“parti”) “жирондистов-бриссотинцев”, особо выделял среди последних (помимо самого Бриссо) Кондорсе, Петиона и “депутатов департамента Жиронда”²⁹. Для русского посла И.М.Симолина вождем противников “партии” Робеспьера в Клубе в феврале 1792 г. был Бриссо, также глава “партии”³⁰. Близкая в этот период к жирондистам г-жа де Сталь выделяла среди их парламентского крыла Бриссо и Кондорсе³¹. Ж.-Б.Луве, с весны 1792 г. “законченный” жирондист, отмечал особую роль Кондорсе, Ролана и Бриссо, причем последнего упоминал именно как главу

“партии” (“parti”)³². По словам Дюмона, именно Бриссо играл ведущую роль в “Комитете Вандомской площади” в период Законодательного собрания³³. Тот же Дюмон оставил крайне любопытную характеристику тех, кого он назвал “главными в партии жирондистов” (“principaux des parti girondistes”): “Верньо был человеком апатичным, говорившим мало и требовавшим побуждения; но когда он был воодушевлен, его красноречие было искренним, сильным, проникающим, идущим от сердца. Гаде был более энергичен, более рассудителен, более общителен; красноречивый и изобретательный, он всегда был готов подняться на трибуну и стать лицом к лицу со своими противниками. Бриссо вечно писал, спешил, устраивал собрания, все приводил в движение, но не имел таланта говорить и никогда не производил впечатления как оратор. Ему недоставало выразительности, легкости и непосредственности. Жансонне имел характер мягкий и легкий. Бюзо был по своему красноречив, говорил проникновенно и убедительно. Серр, совсем неизвестный публике и имевший большое влияние в их (жирондистских. — Э.Г.) комитетах, был человеком рассудительным, умеренным, любезным, который часто отвращал их от поспешных решений и который был единственным, кто сдерживал Бриссо. Редерер, человек разумный, но невежественный, имел долю легкомысленности в характере, почему и играл второстепенную роль, хотя по своим способностям он превосходил почти всех. Кондорсе никогда не говорил с трибуны, мало в беседе. Его называли бешеной овцой (le mouton enrage). Это был не лидер; его имя придавало ему большой вес в этой партии, но мне он казался лишь защитником и проводником их действий”³⁴.

Показательно, что г-жа Ролан в тревожном письме к Бриссо 31 июля 1792 г., перебирая в предчувствии близящихся потрясений кандидатуры на роль лидера “партии”, сильной личности, назвала те же имена: Бриссо, Серр, А.Жансонне, Гаде, Верньо³⁵. Их же перечислил Ш.-Ф.Дюмуре применительно к периоду Законодательного собрания: Гаде, Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Верньо, Петион и П.-Л. Редерер.

Вплоть до весны 1792 г. Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Гаде, Верньо могли претендовать на роль вождей Жиронды. С марта 1792 г. к ним следует добавить супругов Ролан. Большим влиянием пользовались Петион, Редерер, Лантена и Серр. Именно они стояли за важнейшими политическими акциями Жиронды, руководили деятельностью “комитетов” и салонов, назначали министров и раздавали должности в период “первого министерства жирондистов”.

* * *

Рассматривая Жиронду как специфическую форму буржуазной идейно-политической общности, складывавшуюся в период лета 1791 — лета 1792 г., нельзя обойти вопрос о ее месте в системе прочих политических сил того времени, тесно связанный с определением тенденций отмежевания жирондистов от других политических течений и группировок. Непрерывный процесс партийно-политического размежевания в годы буржуазных революций носит закономерный и объективный характер и определяется логикой социальной борьбы, находящей отражение в борьбе политической.

Представляется, что процесс самоопределения Жиронды как особой политической группировки характеризовался ее постепенным вычленением из общего лагеря буржуазной “левой”^{***} и размежеванием жирондистов с якобинцами, будущими монтаньярами. Процесс этот стал также доминирующим фактором внутренней консолидации Жиронды.

Положение жирондистов в общей системе политических сил в период лета 1791 — лета 1792 г. было неоднозначным. Вплоть до конца весны 1792 г. в целом они противостояли с буржуазных позиций как наиболее одиозным пережиткам старого порядка, взятым под защиту королем и двором, так и консервативным устремлениям фейяноско-монархического лагеря. Позиции жирондистов по отношению к “правым” — откровенным роялистам и наиболее консервативным слоям фейянов — достаточно четко наметились еще в период Вареннского кризиса, ожесточенной, по крайней мере в Париже, компании августа — октября 1791 г. по выборам в Законодательное собрание и окончательно определились в ходе упорной борьбы в самом Законодательном собрании с фейянами и с контрреволюционными происками двора.

Конфликт с союзниками по буржуазной “левой” начал назревать с зимы 1791/92 г. и, обостряясь, стал к лету 1792 г. постоянным фоном политической деятельности жирондистов. В этот период Якобинский клуб, “патриотическая”, революционная пресса, “левая” Собрания были расколоты острыми дискуссиями по животрепещущим политическим проблемам, стали ареной размежевания уже достаточно оформившейся Жиронды и складывавшейся Горы. Роль лидера последней все отчетливее играл Робеспьер. Важнейшими среди обсуждавшихся были вопросы о войне, об отношении к М.-Ж.Лафайету и Нарбонну, о возможности сотрудничества с королем и королевской властью, проблемы, вставшие в связи с деятельностью первого министерства жирондистов. Обе стороны, констатируя далеко зашедший процесс размежевания, в разгар дискуссии сами обозначили друг друга как противоборствующие политические группировки.

Первой среди серьезных проблем, выявивших процесс расхождения в лагере “левых”, особенно в Якобинском клубе, стало отношение к войне, в пользу которой жирондисты активно повели агитацию в Собрании, в Клубе и в прессе с декабря 1791 г. Для жирондистов эта дискуссия стала отправной точкой раскола. “Я не затронул бы этот вопрос, — писал в своих воспоминаниях Дюлор об этой полемике, — ...если бы его обсуждение имело обычные последствия; но оно стало причиной, или, по меньшей мере, поводом к крупному размежеванию

между патриотами, разделению, которое повлекло самые разрушительные последствия... С этого периода Робеспьер и его сторонники образуют партию, называемую робеспьеристами, маратистами... а его противники составляют другую, называемую жирондистами или бриссотинцами”³⁶.

Для Луве также именно противостояние по вопросу о войне было борьбой “фракции” (“faction”) Робеспьера и “партии” (“parti”) Бриссо, отождествлявшихся с определенными группами среди якобинцев. “...К январю, — отмечал в октябре 1792 г. Луве, — должно отнести появление среди якобинцев партии, слабой по численности и по влиянию, полной отваги и всякого рода низостей... распространявшей... свою доктрину, которую выдавали за нашу... чтобы сеять недовольство, утомлять, устранять нас с помощью самых подлых методов...”³⁷ Не случайно, очевидно, именно к концу января — началу февраля русский посол И.М.Симолин отмечал разделение якобинцев на соперничавшие “партии” — “партию” Бриссо и “партию” Робеспьера³⁸.

Отчетливую поляризацию мнений, трансформировавшуюся в рамках Якобинского клуба в противостояние двух группировок, ярко раскрыл ход обсуждения вопроса о войне. За жирондистский план превентивной революционной войны, нашедший наиболее отчетливое выражение в речах, статьях и выступлениях Бриссо, высказались Луве, Реаль, Редерер, Силлери, Манюэль, Ласурс, Банкаль, Инар и др. В то же время выявилась группа активистов Клуба, открыто противостоявшая сторонникам войны и солидарная с позицией Робеспьера, видевшего в войне крайнюю и наименее желательную форму решения насущных внутри- и внешнеполитических задач, чреватую осложнениями для революции. Оценивая борьбу Робеспьера против жирондистского плана войны, Бийо-Варенн отмечал 29 января 1792 г.: “...наши противники хотят представить дело так, будто Робеспьер один, будто он один придерживается этой точки зрения. Ну а Дантон, Антуан, К.Демулен, Машено, Сантер, Панис — сколько еще других членов клуба, которые, не поднимаясь на трибуну, выражали те же настроения, одобряя достаточно энергично одну точку зрения, — все они ничто для этих господ”³⁹. Как видим, уже в январе для Бийо сторонники войны (т.е. жирондисты) — “противники” его единомышленников. Даже после того как 20 апреля война была объявлена, стычки в Клубе по этому вопросу не прекратились. В марте — июне с его трибуны неоднократно осуждались и война, и те, кто ее пропагандировал, причем последние понимались как особая группа в рамках Клуба. Таковы в числе прочих выступления Мерлена из Тионвиля, Робеспьера, Шабо, Л.Лежандра, К.Базира и др.⁴⁰

Еще одной проблемой, обсуждение которой выявило раскол среди “левых”, было отношение к двум видным деятелям фейянско-монархического лагеря: Лафайету и Нарбонну. Генерал Лафайет, один из лидеров либерального дворянства в Учредительном собрании, бывший командир парижской национальной гвардии, возглавлял с весны 1792 г. одну из армий на границе. Скомпрометировавший себя участием в расстреле антимонархической демонстрации на Марсовом поле в Париже 17 июля 1791 г., не скрывавший своих монархических взглядов, он к началу лета 1792 г. открыто перешел в стан врагов революции. Для большинства радикально настроенных буржуазных политиков из лагеря “левых”, тех, кто в будущем войдет в монтаньярский блок, маркиз Лафайет уже зимой 1791/92 г. был фигурой одиозной. Отношение к нему становилось мерилom революционности. С января 1792 г. в Якобинском клубе против него разгорелась настоящая кампания, достигшая апогея к июню. Вплоть до падения 13 июня первого министерства жирондистов она велась только будущими монтаньярами, которые подозревали жирондистов в преступных, с их точки зрения, связях с Лафайетом. Эти подозрения стали одной из причин их размежевания с Жирондой.

В январе — феврале 1792 г. Демулен и Робеспьер резко атаковали Бриссо за лояльное, по их мнению, отношение к Лафайету. 23 апреля, в ходе новой вспышки кампании против маркиза, в которой участвовали также Колло д'Эрбуа и Мерлен из Тионвиля, Робеспьер призвал Клуб, сплотившись, разоблачать изменников в своей среде, которые тайно поддерживают Лафайета. Прозрачный намек был понят и 25 апреля Бриссо счел долгом отвергнуть подозрения в знакомстве и сотрудничестве с одиозным генералом.

29 апреля Робеспьер, критикуя “клику Бриссо—Гаде”, условием возможного примирения с ней своих сторонников (“друзей отчизны”) назвал совместную борьбу против Лафайета, как бы подчеркивая далеко зашедшее враждебное размежевание.

На призыв к миру и подобные условия жирондисты 28, 29 и 30 апреля ответили со страниц своих газет потоком яростных нападок на Робеспьера, и тогда же Фрерон, сторонник последнего, заявил с трибуны Клуба, что отношения своего к Лафайету Бриссо так и не выразил⁴¹. Робеспьер, начавший в мае издавать газету “*Defenseur de la Constitution*”, в первых же ее номерах прямо обвинил лидеров Жиронды в “очевидных” тайных связях с Лафайетом и назвал последнего другом жирондистов⁴². В мае — июне против Лафайета в Клубе выступали Шабо, Демулен, Ион, Тальен, Добиньон, Робеспьер, Дантон, Фабр д'Эглантин, Ф.Робер.

Речь последнего 18 июня продемонстрировала как значимость проблемы отношения к Лафайету для размежевания в среде “левых”, так и глубину этого размежевания. Робер заявил: “Мы считаем, что господа Бриссо, Гаде, Верньо и другие связаны с Лафайетом; вскоре мы узнаем, являются ли они его приверженцами. Если они таковыми являются, они не придут сюда. Если придут, то наши подозрения рассеются, так как это единственная возможность установить единство среди нас”⁴³.

Подозрения будущих монтаньяров были обоснованными — вплоть до 20-х чисел июня 1792 г. жирондисты воздерживались от критики в адрес Лафайета, сохраняя надежды на возможность сотрудничества с ним. Еще в период Учредительного собрания Бриссо в *"Patriote Francais"*, издателем которого он был, восхвалял стремление Лафайета к установлению "порядка" и в № 656, 657, 659 даже принял его сторону против нападков Марата, Фрерона и Демулена⁴⁴. Личная дружба и общность взглядов на ряд политических проблем связывали Лафайета с Кондорсе. Бриссо вспоминал, что в период кампании против маркиза в Клубе и в "патриотической" прессе зимой — весной 1792 г. он сознательно оставался в стороне, не допуская появления критических материалов и в своем *"Patriote Francais"*, ибо верил, по его словам, в гражданские добродетели генерала⁴⁵. Ролан, будучи министром, в ответ на заносчивые и угрожающие письма, которые Лафайет слал из армии, уговаривал последнего сделаться "героем революции"⁴⁶. Сходную позицию занимал в этот период и Барбару⁴⁷.

Представляется, что достаточно точно позицию жирондистов в этом вопросе отражают следующие слова Кондорсе из № 172 (июнь 1792 г.) издававшейся им *"Chronique de Paris"*: "Является ли г. Лафайет врагом свободы? Нет, но предпочтение, которое он постоянно оказывает интриганам перед честными людьми, хитрецам перед просвещенными, заставило его совершить немало ошибок, в том числе и эту (речь идет о письме к Собранию 16 июня. — Э.Г.), самую крупную из всех. У него есть средство исправить ее, это — громко, публично и безоговорочно порвать с дураками и мошенниками, толкнувшими его на эту ошибку"⁴⁸.

В различном отношении к Лафайету со стороны жирондистов и будущих монтаньяров проявлялись, по сути, противоположные подходы к возможности компромисса с силами феианско-монархического лагеря: зимой — весной 1792 г. готовность жирондистов к компромиссу отразилась во многих аспектах политической практики, а будущие монтаньяры все более решительно отказывались от него.

Подобный же характер носила и борьба вокруг фигуры Нарбонна, занимавшего в декабре 1791 — марте 1792 г. пост военного министра. Профессиональный военный, он считался сторонником Лафайета и был близок как ко двору, так и к кругам буржуазно-аристократической феиански настроенной элиты, группировавшейся, в частности, вокруг салона г-жи де Сталь, дочери бывшего министра-реформатора Неккера, подруги Нарбонна.

Сохранились многочисленные свидетельства связей Нарбонна с жирондистами. Так, в конце 1791 г. Нарбонн и его коллега по кабинету Кайе де Жервиль установили контакты с лидерами Жиронды Бриссо и Кондорсе, которые вели бурную кампанию против тогдашнего кабинета, и пытались уговорить их умерить пыл. В результате газеты жирондистов начали почему-то расточать похвалы Нарбонну, продолжая критику остальных министров⁴⁹. Бриссо, Кондорсе, Верньо и Инар посещали салон г-жи де Сталь. Лидеры Жиронды были в курсе дел и планов Нарбонна, современники видели в нем их креатуру, и не случайно отставка, данная королем Нарбонну 9 марта 1792 г., была воспринята как удар по жирондистам. Члены военного комитета Собрания, среди которых главенствовал Гаде, отпустили экс-министра на границу в качестве командующего одной из армий, даже не потребовав отчета о прежней деятельности. Фоше расточал в Собрании похвалы Нарбонну, величая его "пламенным патриотом". Кондорсе признавал, что разделял взгляды Нарбонна. 2 апреля, когда Нарбонн явился в Собрание и будущие монтаньяры Дюгем и Дюбуа-Крансе подвергли его резкой критике, именно жирондисты устроили Нарбонну бурную овацию, согнали Дюгема с трибуны, а на следующий день организовали нападки на него в газетах *"Patriote Francais"* и *"Chronique de Paris"*. 23—29 апреля Шабо, Мерлен и Робеспьер, обвиняя Нарбонна в стремлении к протекторату, резко критиковали Кондорсе, Фоше, Верньо, Гаде и Бриссо за связи с бывшим министром, намекали на их причастность к его замыслам, причем Шабо 23 апреля связывал поддержку Нарбонна со стороны Кондорсе, Фоше, Верньо с деятельностью некоей "клики"⁵⁰.

В мае Робеспьер вновь поднял проблему связей жирондистов с Нарбонном в *"Defenseur de la Constitution"*, объявив эти связи очевидными и вменив их жирондистам в вину. Критике подвергалась и статья Кондорсе в *"Chronique de Paris"* от 19 мая. Бывший энциклопедист резко обрушился в этой статье на одного из депутатов Собрания — Лекуантра (будущего монтаньяра) за критические высказывания в адрес Нарбонна, которого Кондорсе представил опорой отечества. В программной статье "Размышления о главных причинах наших неудач" (31 мая 1792 г.) Робеспьер перечислив лидеров Жиронды пофамильно, назвал их врагами свободы, причем одним из пунктов его обвинения стало то покровительство, которое жирондисты оказывали Нарбонну⁵¹.

Споры вокруг фигуры Нарбонна выявили враждебное отношение к нему и к поддерживавшим его жирондистам не только в Якобинском клубе, но и у лидеров "крайне левой" в Законодательном собрании, будущих монтаньяров — Мерлена, Шабо, Базира, Лекуантра, Дюгема, Э. Дюбуа-Крансе и др., причем против последних трех жирондисты даже повели ожесточенную кампанию нападков в Собрании и в прессе.

* * *

Одной из ключевых проблем, ставшей объектом дискуссий весной — летом 1792 г. и отчетливо выявившей далеко зашедший процесс отмежеваний жирондистов не только от будущих монтаньяров, но и от якобинцев вообще, стал вопрос об отношении к первому министерству жирондистов***.

Уже в ходе борьбы за создание этого министерства, а также в процессе его формирования жирондисты достаточно осознанно отмежевывались от якобинцев, действовали как бы в соперничестве с ними. Так, Бриссо в беседе с Дюмоном, раскрывая подоплеку ожесточенной атаки жирондистов против Делессара, министра

иностранных дел, падение которого стало прелюдией к формированию жирондистского кабинета, заявлял: “Это партийный удар. Нам необходимо опередить якобинцев, и с помощью этого акта мы делаем то, что сделали бы они сами”. Комментируя эти слова, Дюмон, очень близкий тогда к лидерам Жиронды, свидетельствовал: “...в глубине ими (жирондистами. — Э.Г.) руководило стремление править. Они осознавали, кроме того, потребность в силе, чтобы противостоять якобинцам Робеспьера, которые их сильно беспокоили и которых они начинали сторониться”⁵².

Не случайно, очевидно, в состав кабинета, сформированного жирондистами, не вошел никто из якобинцев — будущих монтаньяров, хотя такая возможность существовала⁵³. Показательна оценка, данная жирондистскому кабинету одним из его членов, — Дюмуре: “Это министерство лишь с малой долей истины может считаться якобинским. Лакост, Де Грав и Дюрантон (Дюмуре называет министров. — Э.Г.) никогда не принадлежали к этому обществу. Дюмуре, Ролан и Клавьер очень редко присутствовали на заседаниях этого общества до прихода на министерство и никогда позже, рассматривая его как угрожающее явление, которое надо либо придушить, либо унять, сделав менее опасным. Жирондисты были согласны с ними, и, стремясь оградить министерство, все члены которого были назначены по их выбору, они атаковали тех же якобинцев...”⁵⁴

С самого начала часть якобинцев проявила большую сдержанность в отношении нового кабинета. Эти настроения прозвучали в выступлениях Робеспьера и Колло д’Эрбуа в Клубе 19 марта⁵⁵. С откровенной враждебностью воспринял министерство Марат, назвав его “новым набором королевских агентов”, причем особо компрометирующей для одного из министров — Клавьера — счел его дружбу с Бриссо⁵⁶. Позднее негативные оценки министерства “крайне левыми” — будущими монтаньярами — усилились.

В марте — мае 1792 г. Лежандр, Демулен, Верьер, Шабо, Тальен не раз враждебно отзывались в Клубе о новых министрах и уже с конца апреля критика различных аспектов деятельности министерства увязывалась с жирондистским характером кабинета. Осуждению подверглись беспардонное вмешательство жирондистов в дела администрации⁵⁷ и тот факт, что раздача должностей зачастую использовалась ими для поощрения или подкупа тех, кого они толкали на борьбу против Робеспьера и его сторонников. 4 мая Тальен и 6 мая Робеспьер высказались в Клубе против использования жирондистами министерства для пропаганды своих взглядов в провинции, обвинив Бриссо, Гаде, Лантена в связях с министерством⁵⁸. Саму борьбу жирондистов за право сформировать министерство, процесс его создания и деятельность Робеспьер оценивал в конце мая 1792 г. как своекорыстное политическое интриганство, а хозяйничанье Бриссо, Кондорсе, Гаде, Верньо, Жансонне и других жирондистов в министерстве — как компромисс с двором и аристократией⁵⁹.

Неудивительно поэтому, что при известии об отставке, данной королем министрам-жирондистам поэтапно с 10 по 13 июня, ряд якобинцев, группирующихся вокруг Робеспьера, подвергли нападкам бывших министров и тех, кто за ними стоял. Так, 13 июня в Клубе министров критиковали Шабо и Мерлен из Тионвиля. Последний заявил: “...двор... вынужден был прибегнуть к помощи тех самых людей, кого мог считать своими самыми непримиримыми врагами: двор нашел, или ему подсунили агентов (министров. — Э.Г.), которых разыскиали в этом обществе (Якобинском клубе. — Э.Г.)... Поддержанные кликой, которая, сложившись, уже за одно это заслуживает большого осуждения и которая из-за них обвиняла патриотизм и добродетель, эти агенты старались притупить наше оружие, прикрываясь именем дружбы...” Робеспьер, также взявший слово в тот день, сказал: “Знаете ли вы, что ослабило дело патриотизма? Раскол среди патриотов, когда одни из них привязаны к министрам, которые временны, а другие к принципам, которые не изменяются никогда; когда первые занимаются только тем, что атакуют патриотов или дискредитируют их в глазах нации”⁶⁰.

Выступления Мерлена и Робеспьера как бы венчали дискуссию вокруг министерства: министры и те, кто их поддерживал, т. е. жирондисты, были обозначены как “клика”, отделены от “истинных патриотов”, обвинены в связях с двором, в расколе, угрожающем делу “патриотизма”, и как таковые признаны врагами этого дела.

Поворотным пунктом в расхождении жирондистов с будущими монтаньярами, а также в определенной степени с якобинцами вообще стала вспышка ожесточенных схваток между ними в Собрании, в прессе и особенно в Клубе во второй половине апреля 1792 г. Эти схватки приняли форму личной борьбы Робеспьера с противниками из лагеря Жиронды, главным образом Бриссо и Гаде. Полемика завершилась 30 апреля триумфом Робеспьера: Клуб официально подтвердил его правоту. (Правда, атаки против жирондистов продолжались в Клубе и в мае месяце.) Впервые Робеспьеру и его сторонникам удалось повести за собой Клуб не просто по частному вопросу, а именно против жирондистов за Робеспьера. В эти апрельские дни были в комплексе подняты все основные спорные проблемы: о войне, об отношении к Лафайету и Нарбонну, о министерстве. По сути, 30 апреля Клуб разом проголосовал за точку зрения Робеспьера и его сторонников по этим проблемам.

В ходе полемики определилось наметившееся уже ранее восприятие будущими монтаньярами группы своих противников как оформившегося политического целого, достаточно отчетливо отождествлявшегося с Жирондой. Состав этой группы совпадал с ядром посетителей жирондистских собраний, салонов, комитетов, сама она обозначалась как “клика”, “партия”, “коалиция”, чуждая якобинцам вообще. Так, Шабо причислял Фоше, Кондорсе, Верньо и всех тех, кто покровительствовал Нарбонну, к представителям “клики”. “Самыми известными главарями клики, о которой я желаю говорить, — писал сам Робеспьер в своей газете, — являются господа Бриссо и Кондорсе. После них называют имена депутатов Бордо, таких, как господа Гаде, Верньо, Жансонне... Кажется, — продолжал он, обращаясь к лидерам жирондистов, — вашей целью является повсюду угнетать патриотизм и

гасить искренние порывы свободы. Я не желаю знать, двору или другой клике вы служите; достаточно видеть то, что вы служите не делу свободы... Если даже вы не имеете отношения ко двору, вы очевидно принадлежите какой-нибудь другой партии, а поскольку любая партия является угрозой общественному делу, в интересах нации ее надо придушить..."⁶¹ Колло д'Эрбуа заявил об активном жирондисте Редерере: "...мой противник — лишь представитель всей той коалиции, которую я презираю". Марат в свою очередь противопоставлял Робеспьера, которого брал под защиту, "клик" Гаде — Бриссо, которую истинный друг революции должен был, по мнению Марата, ненавидеть⁶². Базир 6 мая обвинил противников Робеспьера — жирондистов в том, что они хотели стать "главарями партии"⁶³. Дантон 10 мая заклеил их как "интриганов" и предрек скорую расправу с ними: "...возможно, наступят времена, не столь уж далекие, когда нужно будет обрушиться против тех, кто в течение трех месяцев атаковал доблесть, целиком посвященную революции"⁶⁴. Фабр д'Эглантин констатировал 17 июня: "...в обществе (Якобинском клубе.—Э.Г.) существуют две партии — партия Робеспьера и партия Бриссо. Раскол, который, как предполагают, является делом рук последней, распространился на Национальное собрание, где среди прочих выделяют депутацию департамента Жиронда"⁶⁵.

Применительно к этому периоду очевидцы событий отчетливо противопоставляли не только жирондистов и будущих монтаньяров, как вполне оформившиеся группы, но зачастую и Жиронду якобинцам вообще. Г-жа де Сталь выделяла в Собрании "партии" собственно якобинцев во главе с Базиром, Мерленом и Шабо и "республиканцев", т.е. жирондистов с лидерами Бриссо и Кондорсе⁶⁶. Луве и Барбару отмечали разделение Клуба на жирондистов, которых Барбару называл "республиканцами", а Луве — "чистыми якобинцами", и "кордельеров", т.е. монтаньяров⁶⁷. Дюмон разделял депутатов Законодательного собрания на жирондистов, Гору и фейянов, определяя наличие противоречий как между жирондистами и Горой, так и между жирондистами и якобинцами вообще⁶⁸.

* * *

Весной—летом 1792 г. основной тенденцией процесса самоопределения Жиронды в системе политических сил было взаимное организационное и идейно-политическое размежевание бывших союзников по лагерю "левых", тесно связанное с внутренней консолидацией обеих групп, в первую очередь Жиронды. Эти явления, диалектически взаимодействуя, стимулировали друг друга.

Одним из свидетельств складывания Жиронды как специфической разновидности идейно-политической общности буржуазии были элементы осознания себя в качестве особой политической группы, проявившиеся в период лета 1791—лета 1792 г. в политической практике и отчасти в политическом мышлении жирондистов. Отчетливо выразилось в это время и стремление лидеров Жиронды к объединению, к координации усилий как наиболее действенному способу достижения общих целей.

Осознание своей принадлежности к определенной "партии" как широкому общественно-политическому течению можно отметить у ряда лидеров группы еще летом 1791 г. и осенью — в период выборов в Законодательное собрание. Вспоминая о той травле, которой он подвергся в ходе избирательной кампании со стороны правых, Бриссо писал: "...низкая атака моих противников в достаточной мере демонстрировала их ничтожество; но упорное ожесточение против одного человека выдавало ее объект. Это бешенство было обрушено не на меня, а на партию, которую я защищал и которую буду защищать до самой смерти"⁶⁹.

Именно к этой оппозиционной "партии" "благородных людей" г-жа Ролан, а вместе с ней Лантена и Банкаль относили Ролана и Бриссо⁷⁰. Естественно, что у г-жи Ролан, как и у Бриссо, речь идет о "партии" в самом широком смысле, как о лагере "патриотов" — буржуазных революционеров, противостоящем силам феианско-монархического лагеря. В это широкое противостояние "левых" и "правых" и укладывалось в тот период представление Жиронды о себе. Вместе с тем в период зимы — весны 1792 г., и особенно в ходе формирования и деятельности первого министерства жирондистов, лидеры Жиронды сделали шаг вперед в выработке элементов группового самосознания, определяя свое "партийное" противостояние вчерашним союзникам по буржуазной "левой" — будущим монтаньярам. Вспомним, что борьбу жирондистов за право сформировать министерство Бриссо характеризовал как "партийный удар", направленный против якобинцев. Дюмуре также рисует жирондистов сплоченной политической группой, боровшейся за создание "своего" министерства, которое отражало бы ее политические установки, и противостоявшей с групповых "партийных" позиций якобинцам. Тенденция к осознанию группового единства, определяемая формулой поведения "мы против них", где главным объектом противостояния были якобинцы — будущие монтаньяры, проявилась в преддверии восстания 10 августа 1792 г. Именно так вели себя жирондисты в июне — июле 1792 г. на собраниях в клубе "Объединение"⁷¹.

Интересны свидетельства о распространении "партийного" духа среди жирондистов весной — летом 1792 г., приведенные современниками событий, в частности Дюмоном. Сообщая о разногласиях среди жирондистов, в том числе среди министров, принявших в конце концов курс на войну, Дюмон писал: "...правительство решает, а вожди партии принимают его решения..."⁷² "Выражением партийной позиции" назвал он написанную им для Жансонне речь, которую тот произнес 24 марта в Собрании. "...Конец речи был плохо

воспринят Горой... Партия, — вспоминал Дюмон, имея в виду Жиронду, — уже боялась заходить далеко и раскаивалась в авансах, сделанных в пользу короля”⁷³. Дюмон особо подчеркивал, что видел в Бриссо носителя “партийного” духа среди жирондистов: “Я знал его как провозвестника великих истин; я видел эти истины искаженными партийным духом. ...Бриссо был верен своей партии и неверен порядочности... Для него существовали лишь партийные интересы”⁷⁴.

Отчетливо осознавала необходимость объединения политических единомышленников для эффективных совместных действий г-жа Ролан. В гневном письме Робеспьеру от 25 апреля 1792 г., осуждая его нападки на Бриссо, Гаде и министров-жирондистов, она так раскрывала свою позицию: “...мне кажется важным сблизить тех, кто, имея общие цели, должен объединиться для их достижения. Когда имеешь возвышенную душу, когда намерения справедливы, а влекущие тебя стремления совпадают с общими интересами... необходимо выработать совместный подход для служения общественному делу”⁷⁵. 30 мая г-жа Ролан писала Банкалю: “...спешите присоединиться к нам, мы ощущаем необходимость окружить себя, усилить себя здравомыслящими, активными, образованными и трудолюбивыми патриотами”⁷⁶. “Партийным”, групповым духом было проникнуто ее письмо к Бриссо от 31 июля 1792 г., где она, прямо называя жирондистов “партией”, ставила вопрос о политике в условиях надвигающегося кризиса и о возможной кандидатуре на роль вождя “партии”⁷⁷. Софи Граншам, близкую приятельницу Роланов, коробил свойственный завсегда им их салона стиль поведения. “Строгий костюм, принятый как партийная униформа, — вспоминала г-жа Граншам, — казался мне мелкой кичливостью для людей, действительно влюбленных в свободу...”⁷⁸ Правда, термины, использованные г-жой Ролан для характеристики связей, скреплявших группу, — “взаимное согласие”, “коалиция”, “присоединение” — наводят на мысль скорее о союзе равноправных политиков, нежели об организации, в которой действовали законы лидерства и подчинения. Ограниченный круг выдающихся людей, действующих совместно, — вот что является идеалом для г-жи Ролан⁷⁹.

В целом можно отметить наличие у жирондистов в период лета 1791—лета 1792 г. несомненных элементов группового самосознания, осознанной тяги к объединению. Но отчетливого теоретического осмысления идеи “партийности” применительно к деятельности их группы идеологи Жиронды в этот период так и не достигли. Следует, конечно, учитывать, что в тот период признание в принадлежности к обособленной от понимаемого как единое целое революционного движения группе (“faction”) было весьма опасно. Возможно, это и заставляло жирондистов воздерживаться от публичных заявлений такого рода.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Перед нами две основные задачи: охарактеризовать те конкретные формы политической практики, которые в период лета 1791 — лета 1792 г. стали типичными для деятельности жирондистов; выявить основополагающие тенденции политического курса Жиронды и логику его трансформаций.

Жирондисты сознавали невозможность достижения серьезных результатов без более или менее широкой общественной поддержки и стремились получить такую поддержку для реализации своих политических установок. “Общественное мнение должно идти впереди силы закона”, — писал ставший министром Клавьер в одном из циркуляров к Обществам друзей Конституции⁸⁰. “Свободное правительство существует... лишь при наличии доверия управляемых к тем, кто управляет. Если этого доверия не существует, народ будет постоянно противиться исполнению законов и наступит анархия”, — заявлял Бриссо летом 1792 г.⁸¹ Только мощным выступлением “общественного мнения” можно было, по мнению г-жи Ролан, уравновесить влияние двора летом 1791 г.⁸²

Чтобы обеспечить себе поддержку “общественного мнения”, жирондисты активно использовали практически все доступные им в тот период общественные и политические институты, в том числе Якобинский клуб и народные общества провинции, прессу, а позже министерства и те административные учреждения, которыми им удалось овладеть.

Хотя уже с осени 1791 г. жирондисты представляли собой самостоятельное, независимое от якобинцев явление, осенью и зимой 1791 г. они активно использовали трибуну Клуба, преобладали в его органах, и вели Клуб за собой по ряду политических вопросов. Анализ взглядов лидеров Жиронды на роль клубов, исследование их тактики в Якобинском клубе показывают, что “патриотические” общества были в представлении жирондистов важнейшим рычагом политической борьбы. Г-жа Ролан, вспоминая о том времени, когда она вместе с мужем фактически отвечала за переписку Якобинского клуба с аффилированными обществами (в феврале — марте 1792 г. Ролан был членом корреспондентского комитета Клуба), писала: “Я считала, что материнское общество могло бы осуществлять большее влияние, распространяя мудрые принципы... Поняв то добро, которое можно было принести, овладев умонастроениями... я занялась этой корреспонденцией с удовольствием...”⁸³

Здесь, в Якобинском клубе, жирондисты начинали открытую агитацию за войну, именно сюда приходили за поддержкой, когда разворачивали борьбу против королевских министров. Они использовали газету Клуба, его корреспондентский комитет, в котором преобладали, для распространения своих взглядов, в том числе в ходе борьбы с будущими монтаньярами. В кружке Роланов возникла идея, одним из авторов которой был Лантена,

напрямую связать общества с министерством внутренних дел путем создания специального корреспондентского бюро⁸⁴. Она была предложена через две недели после вступления Ролана в должность министра внутренних дел и отклонена им из боязни вызвать нападки правых. Позже, в период министерства, сформированного после восстания 10 августа 1792 г., подобный орган при ведомстве Ролана все-таки был создан.

Жирондисты высказывались за управляемые, контролируемые общества как средство мобилизации активных элементов буржуазии, где не было бы места “дезорганизаторам” (т.е. будущим монтаньярам). В письме министров-жирондистов королю от 13 июня 1792 г., выражавшем принципиальный взгляд на сложившуюся политическую ситуацию и послужившем поводом к отставке кабинета, говорилось: “Именно добрые граждане призваны поддерживать их (народные общества и клубы. — Э.Г.) справедливостью своих принципов, умеренностью поведения... вместо некоторых беспорядков, в которых те же, кто их провоцирует и раздувает, имеют низость нас обвинять, эти общества будут составлять ежедневный список всех тех доблестных дел, которые характеризуют свободный народ и которые могут родиться и иметь почву только в этих обществах”⁸⁵.

Использование жирондистами Клуба и народных обществ в качестве важного рычага политической агитации, а также для давления на двор и фейянов в борьбе за достижение собственных политических целей было отмечено и современниками. Г-жа де Сталь считала, что жирондисты “скатились от возможности использовать якобинцев вначале до необходимости сдерживать их впоследствии”⁸⁶. Интересное свидетельство оставил Юа, депутат Законодательного собрания, фейян, убежденный противник жирондистов и тем более якобинцев: “Эта партия Жиронды, которая приобрела уже известность... поддерживала якобинцев, не смешиваясь с ними. Жирондисты пускали их вперед как свору бандитов, прокладываящую им дорогу. Зло от них было тем большим, что в то время якобинцы были откровенно дискредитированы своими буйствами, жирондисты — мятежники более умелые и в силу этого более ловкие — оказывали на слабую часть Собрания влияние, с помощью которого и разрушали все меры, которые могли расстроить их проекты”⁸⁷.

Осенью 1791 — зимой 1792 г. жирондисты сумели повести Клуб собой по ряду политических проблем потому, что сформулированные и выдвинутые им лозунги в тот момент объективно отвечали чаяниям тех слоев революционной буржуазии, совокупные интересы которых представляли якобинцы.

Своеобразным было отношение лидеров Жиронды к прямому народному действию. Выступления революционных масс Парижа, равно как и политическая активность революционной буржуазии провинции, принимались жирондистами постольку, поскольку они могли способствовать достижению политических целей группы. Вспоминая о периоде Вареннского кризиса, г-жа Ролан писала: “Уравновесить силу коалиции правых можно было только с помощью решительного выступления общественного мнения: патриоты для этой цели могли располагать лишь своими голосами и пером; но если бы какое-нибудь народное движение выступило им в помощь, они восприняли бы его с радостью, не обращая внимание и не беспокоясь особенно о том, каким образом это движение родилось на свет”⁸⁸. Народная демонстрация 20 июня 1792 г., когда вооруженные жители Сент-Антуанского предместья ворвались в Тюильри, проходила не только при попустительстве Петиона и Манюэля — соответственно мэра и прокурора Коммуны Парижа, но и при активном “подталкивании” со стороны жирондистов, надевавшихся использовать ее в своих целях. По свидетельству Шабо, в агитации в секциях в пользу демонстрации участвовали Жире-Дюпре и Буагийон — “друзья” Бриссо. Сам Бриссо заявил 21 июня Шабо, считавшему это выступление преждевременным: “Вы ошибаетесь... Оно произвело именно тот результат, которого мы ожидали. Ролан, Клавьер и Серван возвращены в министерство”⁸⁹. А вот подготовка восстания 10 августа 1792 г., развернувшаяся в столице в канун прибытия батальона марсельцев⁹⁰, жирондистов тревожила. Она ускользала от их контроля, во главе ее стояли вожаки секций, будущие монтаньяры. В случае успеха именно они поднялись бы на гребне восстания, политическая инициатива ускользнула бы от жирондистов.

На собраниях клуба “Объединение” в конце июля — начале августа 1792 г. Бриссо решительно высказывался против восстания, считая его выгодным только якобинцам и выступая за принятие всех мер, “чтобы остановить этих изменников”. Его поддерживали Инар, Ласурс; последний и в Якобинском клубе неоднократно требовал перевода федератов в Шалон, так как к этому времени они вопреки расчетам жирондистов стали катализатором подъема парижских масс⁹⁰. Мэр Парижа Петион за несколько дней до 10 августа вызвал к себе Л.Бурдона и потребовал от него использовать все свое влияние на народ, чтобы либо предотвратить восстание, либо изменить его ход. 9 августа, за день до восстания, Петион, заявил Шабо: “Депутаты Жиронды и Бриссо заверили меня, что низложение (короля. — Э.Г.) будет проведено; я вовсе не желаю народного выступления, необходимо ждать, пока выскажется Собрание... Я знаю... что вы имеете влияние на предместья, но я имею такое же влияние в городе, и я вас остановлю, я использую все мое влияние и весь авторитет, данный мне законом, чтобы остановить это выступление”⁹¹.

Характерной чертой политической практики жирондистов было умелое использование прессы как важнейшего инструмента борьбы, стремление максимально расширить сеть контролировавшихся ими газет. Еще летом 1791 г. для пропаганды близких жирондистам политических идей была создана газета “Republicain”; в ней сотрудничали Кондорсе, Дюмон, Дюшатле, Т.Пэн. Осенью 1791 г. “Patriote Francais” Бриссо и “Chronique de Paris” Кондорсе вели совместную упорную агитацию против тогдашнего министерства⁹². Также скоординированно велась и пропаганда войны, а затем — ожесточенная газетная кампания против Робеспьера, к

которой с весны 1792 г. присоединились "Thermomethre du jour" и "Courriere des 83 departements" Дюлора и Горса⁹³. Под контролем жирондистов находился и солидный ежемесячник "Chronique du mois", среди редакторов и постоянных авторов которого были Биддерман, Клавьер, Мерсье, Ролан, Кондорсе, Лантена, Бриссо. Для усиления влияния на прессу жирондисты активно использовали контролировавшиеся ими органы, в частности ведомства иностранных и внутренних дел, возглавлявшиеся соответственно Дюмуре и Роланом, мэрию Парижа, во главе которой стоял Петийон. Так, еще в марте 1792 г. Бриссо, Гаде и Жансонне добились в Собрании выделения средств "на чрезвычайные расходы" для министерства иностранных дел. Дюмуре передал часть этих денег Петийону и Ролану, которые вкладывали их в прессу⁹⁴. Именно на эти средства Луве начал выпускать "Sentinelle" — газету чисто "партийную" по духу. Целью ее было "информировать нацию и организовать общественное мнение"⁹⁵. На субсидии Ролана перешли газеты Дюлора и Горса — издателей, которых г-жа Ролан привлекла в свой салон и которые твердо вошли в круг жирондистов⁹⁶.

Делалась попытка овладеть газетой Эбера "Pere Dusehesn". Сохранились сведения о поддержке г-жой Ролан некоего А.Лемера, издателя небольшой газетки. Очевидно, контролировалась жирондистами "Annales Patriotiques" Карра⁹⁷. Сам Ролан относился чрезвычайно внимательно к оценке своей деятельности прессой. Вступая на должность министра, он попросил г-жу Граншам регулярно делать краткие обзоры газетных статей, в которых будет говориться о нем: "Каждый день с утра я буду изучать этот обзор", — сказал он⁹⁸.

Свидетельством далеко продвинувшегося процесса складывания группы являлась способность жирондистов к проведению скоординированных акций. Наиболее показательной в этом плане была их борьба за овладение рычагами исполнительной власти, развернувшаяся весной — летом 1792 г. и ставшая в этот период основным содержанием деятельности группы. Жирондисты, по сути, силой вырвали у двора право сформировать министерство. Впервые в истории революции представители революционной буржуазии пришли к власти как оппозиционная политическая сила, используя при этом исключительно конституционные средства борьбы. Деятельность министерства поставила ряд новых для французской буржуазии политических проблем, решать которые пришлось именно Жиронде.

Кампанию против предшествующего, целиком сформированного королем, кабинета жирондисты вели в прессе, в Клубе, с трибуны Собрания еще с осени 1791 г. Недоверие и враждебность к королевским министрам были характерны для позиции не только "левых" политиков, но и многих фейянов⁹⁹. Назначение на министерские посты откровенных реакционеров способствовало углублению этой враждебности, вносило разлад в деятельность государственного механизма. Пассивность министров по отношению к поднимавшей голову контрреволюции, их попустительство эмиграции, в том числе офицеров армии и флота, стремление руководствоваться только указаниями короля расшатывали политическую систему, в которой законодательная власть контролировалась буржуазией, а исполнительная — силами, ей враждебными. Овладение министерством, одним из ключевым рычагов власти, открывало для буржуазной оппозиции путь к сбалансированию политической системы, являлось действенным способом сохранения буржуазией тех ее завоеваний, которые были реализованы в режиме Конституции 1791 г. В конкретных условиях начала весны 1792 г, именно группировка жирондистов оказалась способной осуществить эту задачу благодаря своей организованности и политической активности.

Уже зимой 1791/92 г. жирондисты через Жансонне сблизилась с Нарбонном, были в курсе его дел, поддерживали его начинания, разделяли его взгляды. Бриссо, Кондорсе, Инар, Клавьер посещали салон г-жи де Сталь¹⁰⁰. Жирондисты стремились воздействовать на Нарбонна (в то время военного министра), чтобы обеспечить успех развернутой ими в последние месяцы 1791 г. пропаганды в пользу войны. Отставка Нарбонна 3 марта 1792 г. была несомненным ударом по Жиронде, влияние которой беспокоило двор и правых и именно так было оценено современниками¹⁰¹.

Ответным шагом Жиронды стала прямая атака против королевских министров: 10 марта по настоянию депутатов-жирондистов во главе с Бриссо и Гаде Собрание постановило арестовать и предать суду министра иностранных дел Делессара, верного слугу двора. Переписка Делессара с венским кабинетом, на публикации которой Бриссо настоял еще 9 марта, была признана изменнической. Жирондисты ловко использовали недовольство Собрания пассивным внешнеполитическим курсом тогдашнего кабинета и специально оговоренное в Конституции право депутатов предавать провинившихся высших должностных лиц суду специального органа — Верховного суда (Haute Cours National). Арест Делессара предстает тщательно спланированной и хладнокровно осуществленной акцией. Сам сценарий "заговора" оформился, по-видимому, еще вечером 9 марта в салоне г-жи де Сталь. Бриссо, который лично подготовил для дипломатического комитета Собрания обвинительный акт из 18 пунктов, называл удар по Делессару "чисто партийным действием", выгодным именно жирондистам, и цинично заявлял: "Я знаю, что обвинения чрезмерно усложнены, но это необходимо, чтобы затянуть процесс... Я отлично понимаю, что он (Делессар. — Э.Г.) будет признан невиновным, так как у нас есть только подозрения и нет никаких доказательств. Но мы достигаем своей цели, устраняя его из министерства..."¹⁰²

Осуждение Делессара свидетельствовало о том, что король и двор были бессильны защитить своих ставленников. Жирондисты же продемонстрировали силу и способность полностью парализовать органы исполнительной власти. Последовали “добровольные” отставки министра внутренних дел Кайе де Жервиля и морского министра Бертран де Мольвиля, особо ненавидимого “левыми”. Кабинет развалился. В этих условиях единственным путем выхода из кризиса было для двора сотрудничество с оппозицией.

Первым новым назначением в кабинете стало вручение Дюмуре портфеля министра иностранных дел (15 марта 1792 г.). Дюмуре, в прошлом профессиональный военный, генерал, имел друзей при дворе, но главное — был тесно связан с осени 1791 г. с жирондистами, которых на протяжении зимы регулярно информировал о положении дел в ведомстве Делессара, своего старого знакомого¹⁰³. “Он (Де Грав.— Э.Г.) был связан с Петионом и партией Жиронды, и Жансонне поручил дипломатическому комитету руководить его (Де Грива.— Э.Г.) выбором, — вспоминало свое назначение Дюмуре. — Петион и Редерер были во главе: один — парижского муниципалитета, другой — парижского департамента; эти двое, а также Бриссо, Кондорсе и некоторые другие депутаты от Парижа показались министрам (речь идет о Дюмуре и еще сохранявшим свои посты Де Граве и Кайе де Жервиле.— Э.Г.) наиболее подходящими, чтобы определить их выбор. Эти-то люди и советовали министрам”¹⁰⁴.

Центром принятия решений стал “Комитет Вандомской площади”, где были названы имена Ролана — На пост министра внутренних дел, Клавьера — на пост министра финансов (это были креатуры Бриссо), а портфель министра юстиции доверили Дюрантону, адвокату из Бордо, чью кандидатуру выдвинули Верньо, Гаде, Жансонне и другие бордосцы¹⁰⁵. Здесь же обсуждался вопрос о назначении на пост министра юстиции Луве¹⁰⁶. Очевидно, и кандидатура Лакоста, занявшего по предложению Дюмуре пост морского министра, прошла через утверждение жирондистов¹⁰⁷.

С момента введения Ролана в круг “государственных людей” он сам и его жена начали активно вмешиваться в процесс формирования кабинета, стремясь провести своего друга, Банкаля, на пост министра юстиции. Кандидатура Сервана, заменившего в мае 1792 г. Де Грива на посту военного министра, также была названа Роланами (Серван являлся их старым знакомым еще по Лиону) и одобрена Бриссо и его друзьями. До этого Бриссо и некоторые близкие к нему политики (очевидно, из числа парижского ядра группы) планировали сделать военным министром Дюшатле, бывшего военного, одного из редакторов “*Republicain*”, своего соратника по антимонархическому движению лета 1791 г., но эта кандидатура не прошла¹⁰⁸. Таким образом, жирондисты через “Комитет Вандомской площади” и салон г-жи Ролан фактически осуществляли или полностью контролировали формирование кабинета.

Лидеры Жиронды и министры-жирондисты относились к министерству как к органу, призванному реализовывать установки группы и воплощавшему вполне определенные политические принципы. “Наш друг, — писала о своему муже г-жа Ролан вскоре после его назначения, — охвачен надеждой послужить на благо своей страны, надеждой, основанной на единстве принципов лиц, составляющих нынешнее министерство, и их согласии с частью Собрания, беззаветно преданной Революции”¹⁰⁹.

Естественным было и стремление жирондистов поставить под свой полный контроль работу министерства. Одним из путей к этому было постоянное общение министров и лидеров Жиронды на частных собраниях, в салонах и “комитетах”. “Они (министры — Э.Г.) собирались за обедом у одного из них в дни заседания совета, — вспоминала г-жа Ролан. — Я принимала их у себя каждую неделю, у меня бывали и некоторые знакомые им депутаты, здесь они совещались о делах, чтобы направлять их в соответствии с общими интересами”¹¹⁰. Подобные же функции выполнял и “Комитет Вандомской площади”. Жирондисты во главе с Бриссо всю хозяйничали в министерских канцеляриях, раздавая должности. Бриссо играл роль третейского судьи в эпистолярной перепалке, вспыхнувшей между Роланом и Лафайетом. Петион в беседе с посланцами Марселя ссылаясь на свою “тесную дружбу” с министрами. И наконец, ломая традиции, лидеры Жиронды стремились принимать участие в конфиденциальных совещаниях членов кабинета. Дело в том, что министры имели обыкновение обедать вместе три раза в неделю, в дни совета у короля, обмениваясь информацией и заранее согласовывая ряд решений, которые вечером должны были быть вынесены на королевское одобрение. “Это продолжалось приблизительно месяц, — свидетельствует Дюмуре, — после чего Ролан пожелал, чтобы его жена и их друзья были допущены на эти обеды... Предлагая это решение, жирондисты надеялись расширить свое участие в делах и руководить правительством”¹¹¹.

Показательна также та раздача должностей единомышленникам, которую осуществляли жирондисты, установив контроль над министерством. Широко использовались возможности ведомства иностранных дел. Биддерман стал его официальным банкиром. Луве было предложено (Бриссо и Гаде) отправиться комиссаром на Санто-Доминго, позже — послом в Стамбул¹¹². Дюмон уехал с миссией в Англию. Назначения на различные дипломатические должности получили Шепи, Ноэль, Буагийон и другие лица, участвовавшие в травле Робеспьера и борьбе с будущими монтаньярами. Жирондисты контролировали выбор большинства послов: Бриссо давал обещания о подобных назначениях просто за обедом¹¹³. Дюмуре признавался, что “был возведен на министерство жирондистами, осуществлял выбор своих коллег по указке жирондистов, получил из их рук казну своего ведомства¹¹⁴, советовался с ними о выборе служащих и послов при иностранных дворах”.

Подобным же образом обстояли дела и в других министерствах. «Когда Ролан впервые стал министром, — вспоминал Бриссо, — он поинтересовался моим мнением о людях, которых я считал возможным использовать в департаменте внутренних дел. У него был список, который я ему переслал»¹¹⁵. Самому Ролану помогал ряд добровольных или состоявших на жаловании помощников, таких, как г-жа Граншам, Лантена, ставший фактически секретарем и одним из ближайших помощников Ролана. В начале апреля Ролан и Лантена пытались протолкнуть Банкаля на пост генерального секретаря департамента юстиции, чему, однако, воспротивился Дюрантон. Реорганизуя администрацию почт, Клавьер ввел туда среди прочих старых знакомых и протезе Роланов — Боска и Жубера, причем первый возглавил эту администрацию и сам принимал активное участие в устраивавших Жиронду назначениях.

Укомплектовывая различные звенья администрации своими ставленниками, жирондисты тем самым в первую очередь обеспечивали контроль группы над органами исполнительной власти, а кроме того, вознаграждали политических сторонников за счет хорошо оплачиваемых чиновничьих мест.

Анализ политической практики жирондистов в период Законодательного собрания показывает, что в решающие моменты борьбы они готовы были действовать против своих политических противников самым жестким и решительным образом, не брезгуя никакими методами. Без колебания жирондисты прибегли к аресту вставшего у них на пути Делессара (а затем и его коллеги Дюпор-Дютертра, ушедшего в отставку 22 марта 1792 г.). Осознав невозможность договориться с Лафайетом, они требовали, хотя и безуспешно, применить против него подобную же меру. Столкнувшись с оппозицией будущих монтаньяров, а позже и якобинцев вообще, жирондисты готовы были их «придушить», предлагали обвинительный декрет против Антуана и Робеспьера. Они добились от Собрания ареста на трое суток депутата Лекуантра, принадлежавшего к «крайне левой» и осмелившегося открыто критиковать их связи с Нарбонном. Они поливали своих противников грязью в прессе, как это было с Робеспьером и Маратом. Тут одинаково преуспели и сдержанный энциклопедист Кондорсе и малочепетильный Луве. Легенда о нерешительности жирондистов, их неспособности действовать жестко и твердо лишена оснований — они умели добиваться своего любыми средствами, если могли опереться на реальную силу.

Тактику жирондистов в период лета 1791 — лета 1792 г. отличало стремление добиваться поставленных целей путем постоянного давления. Сущность их политики определял курс на утверждение политической гегемонии, а с весны 1792 г. на овладение министерством — ключевым рычагом власти. До весны 1792 г. борьба жирондистов за политическую гегемонию направлялась главным образом против двора и феянов. Позже жирондисты вынуждены были считаться и с будущими монтаньярами как с потенциальными политическими противниками. Степень реализации основной целевой установки обуславливала политическую позицию жирондистов в первую очередь в таком важном вопросе, как отношение к королю и монархии, ставшем с лета 1791 г. вопросом вопросов для всех политических течений и групп.

* * *

Вспомним, что в разгар Вареннского кризиса большинство будущих жирондистов выступило с критикой существовавшей монархии, заявив о своей оппозиции структуре власти того периода и выдвинув в качестве возможной альтернативы идею республики. В этой кампании в той или иной степени приняли участие Бриссо, Кондорсе, Клавьер, Петион, Бюзо, Биддерман, г-жа Ролан, Фоше, Грегуар, Редерер, Керсен, Карра, Лантена, Банкаль, Боск, Дюмон, Т.Пэн и др. Вопрос об отходе к монархии был предметом обсуждения на жирондистских политических собраниях¹¹⁶.

Позиция жирондистов была сформулирована в ряде публичных выступлений Кондорсе, Редерера, Петиона и нашла наиболее отчетливое выражение в статьях, речах и публицистике Бриссо. От имени всех «республиканцев» Бриссо выступал за такую политическую систему, при которой все власти будут прямо или косвенно избираемы народом, временны и сменяемы¹¹⁷. Он видел две возможности реализации этого принципа во Франции: 1) отменить королевскую власть, заменив ее республикой, 2) сохранить монархию, создав особый выборный Совет, который ограничивал бы власть короля, и дополнив его выборным же министерством¹¹⁸. При этом Бриссо больше склонялся к сохранению монархии, ибо создание «чистой» республики представлялось ему в тогдашних условиях делом крайне сложным¹¹⁹. Ограничение власти короля Советом и министерством, члены которых определялись бы коллегией выборщиков, избранных на первичных собраниях по одному от каждого департамента, позволило бы, по мнению Бриссо, устранить пагубное влияние монарха или его клевретов на ход государственных дел. Лидер жирондистов принимал идею замены Людовика XVI его наследником, причем регентские функции должны были бы выполняться все тем же Советом. Подобная реорганизация политической системы представлялась Бриссо реальным способом выхода из трудностей, из кризиса, в опасности которого идеолог жирондистов вполне отдавал себе отчет. Отвергая от имени «сторонников республики» мысль о восстании как о способе ее утверждения, Бриссо запугивал короля и монархистов возможностью того, что поднявшийся на стихийную борьбу народ, «видя себя столь жестоко обманутым и раздраженный этим, ненавидя все больше и больше министерский деспотизм... пробьется силой к полностью республиканскому правлению», что, как считал Бриссо, необходимо было предотвратить¹²⁰.

По сути, Бриссо, выражавший позицию большинства жирондистов, предлагал не радикальное ниспровержение, а модернизацию режима конституционной монархии за счет расширения его социальной базы. Становившаяся номинальной фигура монарха получала бы общественную поддержку через окружавшие его выборные органы. Это был курс на откровенный компромисс с монархией, который, однако, открывал доступ к рычагам власти более широким слоям буржуазии. В чисто политическом плане жирондисты мостили дорогу именно для себя.

“Чистая” республика была для жирондистов крайним и отнюдь не самым желательным способом выхода из кризиса. Она рассматривалась лишь как средство перехватить инициативу у народа. Неслучайно летом 1791 г. Кондорсе заявлял на политических собраниях жирондистов в доме Биддермана: “Если республика будет утверждена в результате революции, если народ поднимется против двора, последствия этого будут ужасны, но если республика будет основана сейчас, когда Собрание всемогуще, переход к ней не будет труден”. Дюмон свидетельствовал, что на этих собраниях высказывались скорее против короля, нежели против королевской власти как таковой. [Что было и что могло бы быть: опыт альтернативной истории]

С начала функционирования Законодательного собрания жирондисты усилили натиск на короля и на монархический лагерь в целом. Они поддерживали требование об амнистии для всех участников кровавых событий в Авиньоне*, что в тех условиях означало поощрение прямой расправы с контрреволюционерами и религиозными фанатиками. Жирондисты добились принятия декретов против эмигрантов и неприсягнувших священников. Агитация за войну с пригrevшими эмигрантов приграничными государствами, начатая жирондистами в конце 1791 г., угрожала в первую очередь наиболее экстремистски настроенным монархам.

Вместе с тем жирондисты, по сути, прекратили критику королевской власти как института и все чаще делали реверансы в сторону самого короля. Так, Фоше, выступая в Собрании 26 октября 1791 г., выразил надежду, что король скоро отвратится от “фанатичных священников”, от “продажных куртизанов” и “низких прислужников”, которые “оскорбляют его, преклоняясь перед ним как перед деспотом”, тем самым “избавит корону от всей этой нечисти... и употребит свою чистую, бессмертную славу на то, чтобы проявить себя достойным главой самой великой и самой свободной страны — Франции”¹²¹. Сохранение монархии казалось вполне естественным Рабо Сент-Этьену, который так оценивал события периода Вареннского кризиса: “...нельзя представить такую обширную страну под чисто республиканской формой правления. Столь великие пространства, народы столь разнообразные... большинству которых имя короля всю жизнь внушало почтение, приверженность к нему, ставшая привычкой, — все наводило Национальное собрание на мысль, что Франция должна быть монархией”¹²². 14 марта 1792 г. Жансонне произнес в Собрании написанную Дюмоном речь, монархическую по духу и являвшуюся программной для “партии” жирондистов¹²³.

Пик примирения Жиронды с королем пришелся на период первого министерства жирондистов. Овладение рычагами исполнительной власти превратило жирондистов из силы оппозиционной в силу правящую, продемонстрировало реальную возможность обеспечить доминирование группировок революционной буржуазии в рамках существовавшей политической системы через легальное использование ее институтов. Открывалась возможность лояльного сотрудничества с королем, изменялся подход к оценке его роли. “Войдя в совет (министров. — Э.Г.), — вспоминал Дюмон о Клавьере, — он пришел к мысли, что король — человек прямой и говорит без двуличностей”. И далее: “Клавьер и Ролан, разглядев короля в совете, отказались от своих предрассудков, считая его порядочным человеком”. “...В течение трех недель я видела Ролана и Клавьера очарованными отношением короля, не помышлявшими о лучшем порядке вещей и склонившимися к тому, что революция окончена”, — свидетельствовала г-жа Ролан о первом периоде деятельности министерства¹²⁴, Бриссо, хотя и не разделял похвалы, расточавшиеся королю Роланом и Клавьером, официально занял их, позицию. “Кто осмелится свергнуть конституционного монарха?” — заявил он 25 апреля в Клубе¹²⁵. И хотя уже в мае отношения министров-жирондистов с королем стали быстро ухудшаться, в своей официальной переписке они оправдывали все действия короля, стремились укрепить его авторитет. В письме к королю от 10 июня 1792 г. Ролан, Клавьер и Серван выражали уверенность, что именно действия короля должны обеспечить исполнение Конституции, привести к упрочению правительства и устранению народного недовольства¹²⁶.

После отставки жирондистского министерства борьба за возвращение контроля над правительством становится главной целью политической деятельности Жиронды.

Усиливая нажим на короля, жирондисты одновременно проявляли готовность поддержать шатавшуюся монархию. Г-жа де Сталь вспоминала: “Воодушевление принципами смешивалось у республиканцев 1792 г. со стремлением к власти (имеются в виду жирондисты.— Э. Г.), и поэтому кое-кто из них предлагал сохранить королевскую власть, если все министерские посты будут переданы их друзьям”¹²⁷. Кондорсе признавал: “Я собирался хранить, верность королю постольку, поскольку он сам сохранял бы свою клятву и поскольку эта верность... не противоречила бы моим обязанностям перед нацией”¹²⁸. Карра высказывался за сохранение “полумонархической” Конституции 1791 г., раз она была провозглашена Учредительным собранием.

Жирондисты постоянно зондировали по “закрытым”, тайным каналам возможность договориться с королем, как бы проверяя результаты “открытого” давления. В конце июля 1792 г. Жансонне, Гаде и Верньо, очевидно, при участии Бриссо через посредничество королевского камердинера Тьерри де Виль д’Авре и художника Боза,

знакомого Жансонне, передали королю записку, содержащую условия сотрудничества (отвергнутые Людовиком), главным из которых было возвращение министров-жирондистов на свои посты. В июле — августе попытки зондажа через различных близких королю лиц продолжались, а Гаде, видимо, даже имел личную встречу с королевской четой. Выступая в Собрании 3 июля 1792 г., Верньо, призывал “уберечь монархию, балансирующую на краю бездны”, и 1) объявил фигуру короля неподсудной, 2) снял с него ответственность за деятельность назначенных им министров. “Это, — заявил он, — две неразделимые основы организации исполнительной власти. Только с их помощью можно спасти государство... Если существуют обстоятельства, в которых законодательный корпус будет иметь хотя бы возможность для изменения этих основ, значит та гордость, которую мы испытываем, считая себя свободными, не более чем бред, а Конституция — лишь отпечаток постыдного рабства”¹²⁹.

По мере нарастания революционного кризиса в июле — августе 1792 г. позиция жирондистов по этому вопросу становилась все более категоричной. 25 июля Бриссо, выступая в Собрании, высказался против немедленного низложения короля, которого требовали якобинцы и крайне левые Собрания. Он заявил: “Если существуют люди, которые в настоящее время стремятся установить республику на обломках Конституции, карающий меч закона должен обрушиться на них как на сторонников двух палат и контрреволюционеров Кобленца”¹³⁰. В том же духе выступили Гаде, Жансонне, Верньо, другие жирондисты. Не видя возможности сохранить трон за Людовиком, они до последней минуты пытались спасти монархию и его самого. 10 августа, уже после низложения Людовика, Верньо поднял вопрос о назначении воспитателя для наследника престола, как бы предопределяя сохранение монархии.

Таким образом, жирондисты в период лета 1791 — лета 1792 г. прошли путь от критики монархии, от признания, хотя и с оговорками, республики возможной формой политического устройства, от признания безусловной виновности короля до утверждения об изначальной неподсудности короля, до стремления сохранить монархию любой ценой и до объявления преступной самой мысли о возможности ее насильственного свержения. Представляется, что “республиканизм” жирондистов был реакцией части буржуазных политиков на стихийное антимонархическое движение масс, позволял — в случае падения конституционной монархии — приспособиться к утверждению господства буржуазии в условиях иного политического режима. Именно в силу подобной идеологической гибкости Жиронда оказалась способной успешно продолжить и даже активизировать свою деятельность в период Конвента.

В целом в период Законодательного собрания Жиронда шла по пути адаптации к сложившейся политической системе, имея главной целевой установкой овладение рычагами власти, политическое доминирование. Жирондисты пытались защитить эту систему, позволявшую достаточно полно реализовать их политические устремления. Отсюда и стремление Жиронды сохранить, пусть даже в самом урезанном виде, королевскую власть, бывшую составной частью этой системы. Судя по всему, политические идеалы жирондистов не шли дальше конституционной монархии и только мощный революционный натиск масс вынудил Жиронду приспосабливаться в период Конвента к новым условиям.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ЖИРОНДЫ В ПЕРИОД ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Вопрос о социальной сущности Жиронды как особой формы политической организации является одним из ключевых для определения ее роли в революции и ее места в процессе складывания политического опыта и политической культуры французской буржуазии.

Достаточно достоверное решение вопроса о социальной сущности Жиронды может дать комплексное сопоставление данных о ее идеологии, политической практике и социально-профессиональной структуре. Основой подобного анализа является определение состава группы. Выше было изложено представление о неоднородной, “слоистой” структуре Жиронды. Поэтому наиболее показательными должны быть сведения о социальном облике, идеологии и политической практике организационного ядра группировки.

Следует помнить, конечно, что ядро любой политической группировки или партии отнюдь не тождественно своей социальной структурой тем общественным слоям, интересы которых она представляет. Тем не менее данные подобного анализа в сопоставлении с результатами изучения политики и идеологии жирондистов могут оказаться весьма интересными. При этом важно не только происхождение лидеров Жиронды и их имущественное социальное положение к моменту описываемых событий, но и изменение этого положения в годы революции. Значительная часть деятелей, входивших в ядро Жиронды, были выходцами из состоятельных семей торговцев, промышленников, богатых чиновников, уже до революции имели достаточно высокий имущественный и социальный статус.

Так, общая стоимость только движимого имущества Горса, сына сапожника, на момент ареста в 1793 г. составляла 261380 ливров, в том числе обстановки и посуды — 2700 ливров, библиотеки — 31500 ливров, вин в погребах — 6760 ливров, денег и ценных бумаг — 25580 ливров, оборудования типографии — 76690 ливров. Типография приносила в год 50 тыс. ливров дохода¹³¹.

Инар, после того как на его наследственное дело по производству и продаже растительного масла был наложен арест, оценивал финансовые потери только за 1793—1794 гг. в 152047 ливров. Конфискованное движимое имущество Бюзо, который был крупным землевладельцем, стоило 152920 ливров, в том числе библиотека — 60 тыс., мебель — 14831, серебро и бижутерия — 9512, одежда и белье — более 30 тыс., дом — 22 тыс. ливров.

Лишь проданная после конфискации 1793 г. и не целиком учтенная часть мебелировки и запасов погреба Петиона была оценена в 80 тыс. ливров.

О состоятельности Барбару, выходца из семьи богатых негоциантов, можно судить по тому, что в 1790 г. он потратил 20 тыс. ливров только на печатание своих произведений. Гаде, при том, что отец его был богат (члены рода Гаде неоднократно возглавляли коммуну их родного города Сент-Эмильона в XVIII в.), получил в наследство от усыновившей его состоятельной вдовы из Бордо 20 тыс. ливров, а позже женился на дочери богатого бордоского торговца Дюпейра. Роланы владели имением Ла-Платьер в окрестностях Лиона, жалование Ролана как инспектора мануфактур (вплоть до упразднения его должности осенью 1791 г.) составляло 5 тыс. ливров в год.

Когда в августе — сентябре 1791 г. Роланы и Лантена решили приобрести через находившегося в провинции Банкаля земли из национальных имуществ, Роланы выделили на эти цели до 60 тыс. ливров, Лантена — до 30 тыс. В качестве министра Ролан получал в год 150 тыс. ливров. Лантена происходил из семьи торговцев в Ниме. Отец Банкаля владел производством изделий из шелка в Клермоне (брат Банкаля продолжал отцовское дело)¹³².

Кондорсе, чей дед со стороны матери был зажиточным сборщиком ренты, по отцу происходил из старой дворянской фамилии. К 1789 г. годовой доход Кондорсе, инспектора монетного двора, составлял 18 тыс. ливров (1/3 его составляли суммы от наследства умершего в 1782 г. дяди, епископа, 1/3 — деньги от наследства матери, 1/3 — жалование за службу в монетном дворе и проч.), что соответствовало поступлениям от капитала в 360 тыс. ливров (при пересчете на 5-процентную ренту)¹³³.

Клавьер и Биддерман — банкиры, миллионеры, оба из семей торговцев, их имущественный и социальный статус не нуждается в комментариях¹³⁴. Из семьи богатых бордоских торговцев был Дюко, сыном богатых буржуа — Гранженёв. Крупное наследственное предприятие по торговле ликерами имел Ребекки.

Ряд жирондистов преуспели, частью на государственной службе, уже в период 1791 — 1792 гг. Боск, чиновник в почтовом ведомстве, получал 4 тыс. фр. в год (до 1790 г. — 5 тыс. фр.); возглавив с мая 1792 г. эту администрацию, он стал зарабатывать уже 15 тыс. фр. Годовое жалование Луве, сделавшегося после 10 августа 1792 г. редактором *“Journale de Debats”*, составляло 10 тыс. ливров. Фоше и Грегуар были в 1791—1792 гг. конституционными епископами, чье жалование достигало 15 тыс. ливров в год¹³⁵.

Для понимания социально-политической сущности Жиронды интересны также некоторые черты психологии, образа жизни ее деятелей.

У многих из них можно отметить глубокое пристрастие к общественной, политической деятельности, понимаемой зачастую как призвание. Оно нередко соединялось с представлением о своей особой ответственности, особом предназначении на этом поприще. Так, в начале сентября 1791 г. после неудачного для Ролана исхода выборов в Лионе г-жа Ролан писала своему знакомому Шампено: “...мне тяжело видеть нашего общего друга (Ролана.— Э.Г.), покинутого в молчании и безвестности; он привык к общественной жизни, она ему необходима настолько, что без нее он себя не мыслит!..” Сам Ролан с горечью пишет Банкалю 6 сентября из Парижа: “...необходимо менять свои позиции, идеи, проекты... не имея никакого доступа к общественным делам, к которым я привержен всей душой...”¹³⁶. Бриссо вспоминал: “...с момента моего избрания (в Законодательное собрание.— Э. Г.) я целиком посвятил себя общественным делам... Я обязал себя собирать все сведения, которые могли оказаться полезными для карьеры, которую я избрал”¹³⁷. Свою журналистскую деятельность Бриссо также понимал как важнейший гражданский долг, служение революции¹³⁸.

Клавьер, по свидетельству Дюмона, мечтал о должности министра финансов более 10 лет. Еще в 1780 г., во времена Неккера, будучи простым женеvским торговцем, Клавьер, прибыв в Париж в качестве члена делегации Женевы и прогуливаясь перед зданием, где размещалось ведомство генерального контроля, признался своему товарищу Дюроверу, что сердце подсказывает ему, что он когда-нибудь поселится в этом отеле¹³⁹. Барбару с восторгом вспоминал о своей административной деятельности в качестве марсельского комиссара в очищенном от контрреволюции Арле¹⁴⁰.

Жирондисты проявили большую работоспособность и энергию в общественных делах. Тот же Барбару мог просидеть 20 часов кряду за сочинением брошюры о марсельских делах¹⁴¹. Г-жа Ролан, не довольствуясь участием в министерских делах мужа, принимала посетителей по делам и дома, в частной обстановке¹⁴². Ролан и Боск, включенные в корреспондентский комитет Якобинского клуба, взяли на себя всю огромную работу по переписке общества, в чем им активно помогала жена Ролана¹⁴³. Бриссо и Жире-Дюпре выпускали свой *“Patriote Francais”* почти через день, откликаясь на все горячие события дня. Карра, владелец и один из редакторов *“Annales Patriotiques”*, за март 1790 — февраль 1791 г. опубликовал в этой газете 501 статью, сотрудничая в то же время в других изданиях¹⁴⁴. Дни большинства их насыщены заседаниями в Клубе, после которых они отправлялись в Собрание, разного рода встречами, совещаниями, хлопотами, журналистской работой. Они вели традиционно обширную для тех времен переписку. При этом работа неизменно доставляла им радость, реализуя бьющую ключом энергию.

Денежные вопросы всегда оставались в центре внимания многих членов группы. То же можно было сказать об их отношении к жизненным благам, чисто внешним характеристикам образа жизни. В конце лета — начале осени 1791 г. Роланы, Лантена и Банкаль пустились в предприятие по приобретению земель из числа национальных имуществ, ассигновав на это значительные суммы и отправив Банкаля в провинцию в поисках подходящих объектов для покупки. Боск, сообщая о своей деятельности в почтовом ведомстве, не забыл упомянуть о снижении своего жалования в результате реформы почт с 5 до 4 тыс. ливров в год и о том, что после назначения главным администратором (по протекции Ролаиа) стал получать уже 15 тыс. ливров¹⁴⁵. Луве, которому предложили стать редактором “Journal de Debats” — полуофициоза, освещавшего работу Собрания (по протекции Бриссо, Гаде и Кондорсе), был недоволен назначенным поначалу окладом в 6 тыс. ливров в год и выторговывал 10 тыс.¹⁴⁶ Барбару, сообщая о своей активной публицистической деятельности в первые годы революции, тут же с гордостью отметил, что только в 1790 г. затратил на издание своих сочинений десятки тысяч ливров¹⁴⁷.

Некоторые особенности мышления жирондистов иногда прорывались в их лексиконе. Так, для Верньо слова “банкротство” и “банкрот” — символы зла и тягчайшего преступления; Фоше, рассуждающему о профессиях, которые могли бы свести сны священники, приходят на ум только коммерсанты и мелкие сельские хозяева¹⁴⁸.

Практически все жирондисты чувствовали себя причастными к интеллектуальному наследию века Просвещения, что находило отражение не только в образе мыслей, но и в образе жизни, в занятиях многих из них. Так, они с удовольствием занимались наукой и литературой и сообщали об этом как о некоей своей заслуге, как о свидетельстве своей просвещенности, прогрессивности. Барбару с тоской вспоминал о проведенных в Марселе счастливых днях первых лет революции, когда по воскресеньям у него за обедом собирались друзья и обсуждали философские, естественнонаучные проблемы, говорили о Платоне, Горации, Ньютоне, и тщательно перечислял написанные им мемуары и брошюры¹⁴⁹. Боск с гордостью отмечал, что свои занятия литературой, естествознанием, историей, физикой, химией он не прерывал и в годы революции¹⁵⁰. Ролан был автором “Словаря мануфактур”. “Трудолюбивый ученый” — так с гордостью аттестовала мужа г-жа Ролан.

При этом она не забывала отметить, что в период временного уединения в своем поместье под Лионом осенью — зимой 1791 г. они с мужем не прерывали литературных трудов¹⁵¹. Кондорсе с увлечением разрабатывал проект организации народного просвещения, Клавьер и Керсен опубликовали сочинения по экономике, и к их ученым трудам соратники относились с почтением. “Философ”, “ученый” — лучшая характеристика в глазах этих людей. Не случайно, что в истории и для большинства современников они остались “людьми таланта”. Ведь именно так любили называть они: себя и своих соратников.

Их очевидная страсть к “салонной”, “кабинетной” деятельности, приверженность к “кулуарной” политике также, очевидно, были проявлением определенных социокультурных традиций. Нельзя не согласиться с Сайденхэмом, который выводит эту традицию из “салонной практики” XVIII в. Политические и литературные салоны стали в это время одной из форм реализации идеологии Просвещения. Из них выросли, в них участвовали многие лидеры группы. В ходе революции такая форма организации использовалась ими в конкретно-политических целях. Деятельность якобинцев, монтаньяров в этом плане восходила, как нам представляется, к несколько иной в социокультурном отношении исторической традиции.

Суммируя эти в общем-то достаточно беглые наблюдения, можно отметить наличие у жирондистов не только определенных общих черт психологии, образа мышления, единого взгляда на общественные ценности, но и их более или менее отчетливую социальную направленность. Эти черты характеризовали Жиронду как явление, в значительной степени уходящее корнями в те слои имущей или близкой к ней по мироощущению интеллигенции, которая сформировалась еще до революции на идеях Века Просвещения. Из этой среды жирондисты вынесли не только идейный багаж и взгляды на жизнь, но и некоторые черты политической организации.

Интересы промышленности, торговли, развития финансовой системы и кредита, а также, что особенно важно, интересы связанных с этими сферами деятельности социальных слоев занимали одно из важнейших мест в идеологии и политике Жиронды. Именно потребностями дальнейшего развития экономики мотивировали жирондисты в Собрании необходимость принятия основных своих законодательных актов — декретов о борьбе с эмигрантами и неприсягнувшими священниками, о войне, об отмене рабства в колониях и др. То же характеризовало и деятельность министров-жирондистов. Так, для Клавьера, Верньо, Барбару, Бриссо процветание торговли и промышленности, упрочение кредита, стабилизация финансов прямо ассоциировались с благом нации, отождествлялись со свободой, с революционными завоеваниями, а все, что этому процветанию препятствовало, они объявляли преступлением против нации и революции¹⁵². При этом Верньо прямо призывал французских неогонимов придать новый толчок развитию промышленности, мануфактур и сокрушить торговлю других наций, “лишить ее кредита”. Бриссо полагал, что политика должна следовать путем, намеченным развитием торговли и промышленности, что насиловать их интересы в угоду политике вредно¹⁵³.

Клавьер, с осени 1791 г. «штатный» эксперт Жиронды по экономическим вопросам, став министром финансов, указывал, что аккуратное поступление налогов необходимо для нормального функционирования промышленности и торговли. Считая их прогресс безусловным благом (даже за счет успехов сельского хозяйства), Клавьер связывал его с введенными революцией ассигнатами, поддержанию твердого курса и увеличению выпуска которых жирондисты придавали в 1791—1792 гг. особое значение¹⁵⁴. В январе — мае 1792 г. Кондорсе и Клавьер выдвинули проект «заемной кассы», прообраза общепанцузского национального банка, который, имея филиалы по всей Франции, должен был стать универсальным посредником и кредитором во всех финансовых сделках и расчетах¹⁵⁵.

Взгляды лидеров Жиронды по вопросам экономики уточнялись в период экономического кризиса зимы 1791/92 г. Ряд жирондистов: Керсен, Дюко и др. — призвали к введению откровенно протекционистских мер, в том числе к ограничению экспорта сырья и инструментов, необходимых для французской промышленности¹⁵⁶. Данные, приведенные французским исследователем Дориньи, позволяют предположить, что торговля, в том числе внешняя, виделась жирондистам лишь как вспомогательное средство для развития промышленности. Отнюдь не отвергая в своей министерской деятельности протекционистских мер, Ролан запрещал, к примеру, экспорт хлеба из районов, где ощущался его недостаток¹⁵⁷. Жирондисты, таким образом, демонстрировали достаточную гибкость, опровергающую представление о них как об адептах безусловно полной свободы экономической деятельности. Хотя жирондисты и выступили в 1791—1792 гг. против любых ограничений этой деятельности внутри страны, можно, думается, в определенной степени согласиться с Дориньи, полагающим, что они «являлись типичными представителями экономической мысли французской буржуазии, которая... неустанно выдвигала требования протекционизма против идеологов свободного обмена»¹⁵⁸. Показательны связи Жиронды с кругами деловой финансовой и торгово-промышленной буржуазии, к которым принадлежали или к делам которых были причастны Инар, Банкаль, Лантена, Барбару, Биддерман, Ролан и другие жирондисты¹⁵⁹.

Тесными и давними были контакты Бриссо не только с Клавьером, Биддерманом, но и многими швейцарскими, французскими и американскими банкирами. Вспоминая о жирондистах периода Законодательного собрания, Гара отмечал, что они (Гара называет при этом имена Кондорсе, Верньо, Дюко) «собирались очень часто у глав промышленных и торговых домов, способных благодаря обширности своих практических познаний, благодаря дерзости своих проектов распространить влияние французской промышленности на весь мир, обеспечить ей более обширную торговлю, большее могущество, чем имели промышленность Голландии и Великобритании, вместе взятые»¹⁶⁰.

Все это позволяет предположить, что жирондистам были особенно близки чаяния и устремления собственно капиталистической деловой буржуазии, банкиров, промышленников, торговцев, не связанных напрямую с социально-экономическими и финансовыми структурами старого порядка. К подобным слоям принадлежали дельцы, стоявшие во главе или финансировавшие ряд чисто капиталистических по характеру акционерных обществ и компаний, возникших во Франции незадолго перед революцией («Компания по освещению улиц» и «Компания по снабжению водой» в Париже, компания промышленных и пассажирских перевозок, общества по страхованию жизни и др.), банкиры «нового типа»: Делессар, Бати, Клавьер, Малле, Перье, сферой деятельности которых было активное предпринимательство, кредитование динамичных отраслей промышленности и торговли, не связанное с «продажей денег» абсолютистской монархии и с полугосударственными монопольными предприятиями (такой же характер носила деятельность банков Биддермана и Неккера)¹⁶¹.

К этой группе буржуазии можно отнести также негоциантов и арматоров, особый слой богатых торговцев и судовладельцев, связанных отчасти и с промышленной деятельностью, наиболее отчетливо представленный в торговых «метрополиях» Юга и Юго-Запада Франции — в Бордо, Марселе, Тулоне, Нанте и т. д.¹⁶² Пример негоциантов Бордо, с последней четверти XVIII в. предпочитавших, разбогатев, развивать свое торговое или промышленное дело, а не вкладывать деньги, как раньше, в земельную собственность или стремиться к анобличиванию, позволяет говорить о складывании собственно капиталистической деловой буржуазии, все дальше уходившей от обыденного сознания «буржуа» старого порядка. Негоцианты Бордо активно участвовали в организации разного рода литературных, научных обществ, которые были первичной школой общественной деятельности для многих жирондистов. Они же наиболее активно поддерживали Жиронду в период федералистского мятежа¹⁶³.

Именно этим слоям буржуазии было наиболее близко сформулированное жирондистами требование полной и безусловной свободы собственности, отождествлявшееся зачастую со свободой вообще, как это делал Бриссо¹⁶⁴. То же касается очень широкого понимания жирондистами политических свобод, в том числе свободы мысли, совести, эмиграции и связанного с ним представления о сущности взаимоотношений индивидуума с государством, по сути, основанного на классическом либерально-буржуазном идеале государства — «ночного сторожа». В разной степени элементы подобного взгляда на эти проблемы в 1791—1792 гг. можно встретить у Верньо, Бриссо, Дюко, Ролана, других жирондистов¹⁶⁵.

Указанные черты идеологии и политической практики Жиронды были во многом сходны с сущностными, типичными чертами обыденного сознания буржуазного предпринимателя, со свойственными ему индивидуализмом, противопоставлением себя обществу, стремлением максимально ограничить, если в том нет

крайней необходимости, вмешательство регулирующих, в первую очередь государственных, сил в сферу его предпринимательских интересов¹⁶⁶. В этом плане становится понятна враждебность жирондистов к спекулянтам ассигнатами и национальными имуществами — “монстрам ажиотажа”, “алчным финансистам”, о которых, в частности, упоминали Верньо, Горса, Рабо Сент-Этьен и которые отождествлялись с лагерем контрреволюции. Своими махинациями они, с одной стороны, подрывали социальную устойчивость режима, обостряя недовольство народных масс, с другой — расшатывали тот экономический порядок, за который выступали жирондисты с начала 1792 г. и в основе которого лежал твердый курс ассигнатов и сбалансированность государственных финансов. Последнее особенно не соответствовало интересам названных выше слоев предпринимательской буржуазии, для которых риск, авантюризм и спекуляция как способы обогащения были исключением, а нормой являлось спокойное, осуществляемое в стабильных экономических условиях, накопление¹⁶⁷.

Следует отметить, что интересы “деловой” торговой, финансовой и промышленной буржуазии определяли лишь ядро идейных установок и политики Жиронды, которые не ограничивались только ими. Будучи прежде всего политическим явлением, Жиронда обобщала в своей деятельности социальные устремления данных слоев французской буржуазии, абстрагировала их от обыденных интересов этих слоев.

В этом плане жирондисты действовали как члены особой идейно-политической общности, вырабатывая специфически присущее этой общности сознание, обладающее определенной автономностью, самостоятельностью по отношению к сознанию классовому. Именно в силу этого обстоятельства в идеологической и политической практике жирондистов в 1791—1792 гг. преломились интересы значительно более широких слоев революционной буржуазии.

Выдвинувшись в период лета — осени 1791 г. в качестве лидеров буржуазной оппозиции наиболее одиозным пережиткам старого порядка, сохраненным Конституцией 1791 г., жирондисты встали перед необходимостью решения общеполитических задач революции, концентрации усилий на закреплении ее политических и социально-экономических достижений. В этих условиях они твердо определили свою позицию, высказавшись против любых попыток реставрировать упраздненные феодальные институты, за дальнейшее ограничение личной власти короля, разоблачили контрреволюционную сущность эмиграции, мятежей, поднятых неприсягнувшими священниками и дворянами. Само дворянство, так же как и реакционное духовенство и даже буржуазия старого порядка, весь лагерь привилегированных, оценивались жирондистами — Бриссо, Верньо, Роланом, Инаром, Дюко, Рабо Сент-Этьеном, Горса, Барбару, Петитоном и др. — как силы, изначально враждебные революции, противостоящие нации в целом¹⁶⁸. Целый ряд законодательных актов, проведенных в Собрании жирондистами или активно поддержанных ими, был направлен на подрыв этих сил: декреты против эмигрантов и неприсягнувших священников в ноябре 1791 г., майско-июньские (1792 г.) декреты о роспуске королевской гвардии, о создании лагеря федератов под Парижем и др. Объективно вплоть до весны 1792 г. и борьба жирондистов за власть отвечала интересам почти всего бывшего третьего сословия левее групп феианской буржуазии.

В то же время социальные ориентации жирондистов в период, лета 1791—лета 1792 г. претерпевали постоянные изменения в соответствии с изменением социально-политической ситуации в стране. В ходе кризиса зимы 1791 — весны 1792 г., обострившего социальные антагонизмы внутри третьего сословия, на роль лидера мелкобуржуазного и плебейского большинства выдвинулись будущие монтаньяры, осознавшие, что удовлетворить интересы этих слоев можно лишь взломав режим Конституции 1791 г. Жиронда, нащупавшая возможность решения своих специфических социально-политических задач в рамках указанного режима, осознавала растущую угрозу со стороны социальных сил, стоявших за будущими монтаньярами, и стремилась не допустить развала существовавшей политической системы.

В этих условиях усилился процесс постепенного самоопределения Жиронды на позициях преимущественного отражения интересов торгово-промышленной и финансовой буржуазии “нового типа”. Гора и Жиронда представляли в разном своем отношении к социально-экономическим и политическим реальностям режима Конституции 1791 г. разные тенденции, пути окончательного слома всех институтов старого порядка, феодализма, разные пути утверждения буржуазного порядка. Мысль о том, что столкновение этих тенденций могло принимать столь же острые, конфликтные формы, как и борьба между защитниками феодальных порядков и антифеодальными силами, была выдвинута Н.М.Лукиным и развита в работах А.В.Адо¹⁶⁹.

Не случаен потому и перевод Жирондой конфликта уже с зимы 1792 г. в русло противостояния имущих вообще неимущим вообще. Впервые в речах и писаниях жирондистов эти социальные слои последовательно отделялись друг от друга и противопоставлялись друг другу. Вслед за тем неимущих объявляли угрозой для имущих, на сторону которых становились жирондисты. Именно имущие в целом, при всей безусловной расплывчатости этого понятия, могли удовлетвориться компромиссным в основе режимом Конституции 1791 г. и видеть в неимущих угрозу своим социальным и политическим позициям.

Применительно к периоду 1791—1792 гг. следует скорее определять Жиронду как политическую группировку, которая отражала стремление французской революционной буржуазии утвердить свое господство в обществе, ориентируясь при этом главным образом на общественные модели, диктовавшиеся политическими и социально-экономическими интересами торговой, промышленной и финансовой буржуазии и частично тех имущих слоев населения, система воспроизводства которых не зависела от структур старого порядка и противостояла этим структурам.

* * *

Как и любая идейно-политическая общность, Жиронда выполняла две основные функции: 1) формулировала идеологию представляемых ею социальных групп, преломляя в ней их классовое сознание; 2) стремилась реализовать идеологические положения в общественной практике.

Жиронда адекватно и отчетливо определила цели, ценности, способы действия, отвечавшие конкретно-историческим условиям бытия определенных слоев буржуазии. Политическая практика жирондистов в указанный период характеризовалась достаточной степенью сложности и организованности. Объектом их активности были ключевые “горизонтальные” институты политической системы: Якобинский клуб, Законодательное собрание, министерство, пресса.

В определенной степени деятельности жирондистов в период Законодательного собрания, особенно в первой половине 1792 г., была присуща система признаков, критериев, которыми характеризуется в советской социологической литературе политическая партия¹⁷⁰. Прилагая эти критерии к собственно жирондистскому феномену, можно отметить, что Жиронда: а) объединила ряд активных и сознательных представителей социальных групп, интересы которых представляла; б) сумела выразить определенные классовые интересы, выработать элементы классовой идеологии; в) по ряду признаков отразила в своей деятельности одно из буржуазных социально-политических течений в рамках революции; г) проявляла активность в политической сфере жизни общества; политической целью, все более явно вырисовывавшейся в перипетиях революционных событий весны — лета 1792 г., было господство в различных эшелонах власти.

В то же время нельзя утверждать, что Жиронда в означенный период стала той формой организации представляемых ею социальных групп, какой является современная политическая партия. В общенациональном масштабе устойчивые формы связи жирондистов со своей социальной базой, ее организации в свою поддержку находились в зачаточном состоянии. Применение к Жиронде различных критериев, определяющих существование политической партии, создает двойственную картину. Представляется, что решение проблемы лежит не в поисках тождества “жирондистского варианта” политической организации с современным представлением о буржуазной партии. Опыт Жиронды следует оценивать как с точки зрения форм политической организации, обусловленных глубинными чертами социально-политического развития Франции, так и учитывая те специфические условия, которые революция XVIII в. накладывала на ход партийно-политической борьбы и складывания политических группировок, в частности в период Законодательного собрания.

Легко заметить, что у “жирондистской модели” довольно много общего с теми формами политической организации классов и социальных групп во Франции, которые будут утверждаться и развиваться в течение всего XIX столетия. Жиронда с ее характерными чертами идейно-политического и организационного облика — “салонной” организацией, повышенной идеологической нагрузкой в функционировании группы, “парижским”, “верхушечным” вариантом деятельности и откровенно слабыми и нерегулярными связями с провинцией, значительным иногда уходом от непосредственных интересов провинциальных и парижских буржуазных нотаблей в борьбе за обеспечение общих интересов буржуазии, тех ее слоев, интересы которых в совокупности отражали жирондисты на том или ином этапе революции, — не выпадает из общего ряда исторически сложившихся форм политической организации французской буржуазии, а в определенной мере стоит у истоков этого ряда.

Ведь для политической организации французского буржуазного общества будет характерно существование множества партий, от крупных объединений с массовой базой и идеологической традицией до мельчайших клубов, вызванных к жизни определенной идеей, конкретной задачей, желанием общения, переживавших постоянные метаморфозы. Противостоя друг другу на общенациональном уровне, партии даже в поздние времена остались на местном уровне зачастую довольно рыхлыми в организационном отношении¹⁷¹.

Во Франции традиционно существовало определенное противоречие между идеологией “парижского ядра” партий и деятельностью их на местах. “Политическая партия традиционно строилась во Франции как бы с двух сторон одновременно — из Парижа, где в интеллигентском клубе или в кулуарах парламента возникала определенная тенденция, и на местах, где существовали устойчивые группы нотаблей, тесно связанных с местными интересами и не особенно интересовавшихся оттенками парижских тенденций...”¹⁷². Появлению общенационального политического движения вне Парижа препятствовала разнородность политических условий: для возникновения партии почти всегда был необходим интеллектуальный импульс из Парижа. Новые политические организации (партии, клубы, движения, блоки и т. д.) возникали в среде профессиональных политиков, более или менее тесно связанных с интеллектуальной средой¹⁷³.

Отмечая те организационные и функциональные особенности Жиронды, которые увязываются с традиционными для Франции или для представляемых жирондистами социальных слоев способами и формами политической организации буржуазии, следует помнить и о своеобразии исторической ситуации, в которой рождалась Жиронда. Колыбелью политических партий являются буржуазные революции. Партии вне зависимости от того, какой вид они принимают, суть форма самоорганизации классов или социальных групп, орудие обеспечения их интересов на политической арене. По мере развития революции и дифференциации интересов различных слоев процесс партийно-политического размежевания также углублялся. При этом организационная и идейно-политическая структура той или иной партии была тем четче, чем определеннее сформировались и обособились представляемые ею класс или социальная группа. Слои, определявшие идейно-политический облик Жиронды, были далеки от того, чтобы со всей определенностью осознать себя и свои классовые интересы. Французская буржуазия как класс и различные ее группы находились в процессе складывания уже после революции. В неустойчивой, менявшейся социальной обстановке лишь намечались тенденции партийно-политической самоорганизации различных фракций буржуазии, что предопределило недостаточную четкость, постоянную трансформацию элементов организационного и идейно-политического облика Жиронды в тот период.

Ряд признаков позволяет говорить о том, что жирондисты в 1791—1792 гг. составляли как бы фрагмент складывавшейся новой правящей элиты Франции¹. При этом по сути своей деятельности Жиронда отвечала функциям политической и идеологической элиты в наибольшей степени. Жирондисты принимали политические решения и, используя разнообразные средства — от личных связей до прямого массового действия, — оказывали непосредственное влияние на развитие событий. Ряд членов Жиронды активно пропагандировали идеи не столько группы, сколько фактически господствовавшего (или поднимавшегося к господству в ходе революции) класса — буржуазии, т. е. функционировали как идеологическая элита. Жирондисты системой сложных отношений, как формальных, так и неформальных, были связаны с доминировавшими в тот момент социальными слоями и политическими группами, полубуржуазной-полудворянской либеральной аристократией (кружок мадам де Сталь и Нарбонна), крупными финансистами и банкирами (через Клавьера, Бидлермана и др.), буржуазным нобилитетом крупных торговых метрополий Юга и Юго-Запада (Бордо, Нант, Марсель), как бы интегрируя все эти слои в социальном облике своей группы.

Представляется также, что Жиронда, впервые отчетливо сформировав и обобщив в опыте своей деятельности ряд важнейших социально-политических ценностей французской буржуазии и тем самым заложив основы ее политического сознания, была важным этапом в развитии политической культуры господствующего класса Франции.

В самом деле, именно Жиронда в период Конвента впервые открыто столкнулась с организованным в политическом плане натиском народных масс, его антикапиталистическими и уравнилельными тенденциями как альтернативным вариантом общественного развития, определила позицию, занятую по отношению к ним имущими элементами буржуазного общества. Именно Жиронда в своей политической практике реализовала характерное для буржуазной политической системы понимание демократии, политических свобод, стабильности, порядка, прав и обязанностей, отношения к прямому народному действию, соотношения исполнительной и законодательной власти, отношения к различным общественным институтам, различным проявлениям внутривнутриполитической и социальной борьбы.

* Под "проскрипционными списками" жирондистов в историографии имеются в виду составленные монтаньярами после победы восстания 31 мая — 2 июня 1793 года перечни депутатов Конвента и министров, подлежащих аресту и суду за принадлежность к враждебной монтаньярам "партии", т. е. Жиронде.

** Под буржуазной "левой" имеется в виду весь спектр различных течений среди буржуазных политиков левее феянско-монархического лагеря.

*** Так в исторической литературе принято называть кабинет министров, существовавший с 10 марта по 13 июня 1792 г., почти все члены которого были назначены по выбору жирондистов и действовали под их контролем.

**** Речь идет о батальоне национальной гвардии Марселя, посланном в Париж по призыву Барбару вопреки вето короля на декрет о создании под Парижем лагеря из вооруженных посланцев департаментов — так называемых федератов.

***** Имеется в виду расправа, учиненная отрядом национальной гвардии в Авиньоне в сентябре 1791 г. в отместку за убийство толпой секретаря местного муниципалитета Лекюйе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gregoire A. Memoires de Gregoire, ancien eveque de Blois, depute a l'Assemblée Constituante et a la Convention Nationale, senateur, membre de l'Institut. P., 1838. T. 2. P. 384, 390.*

² *Roland M.-J. Memoires de madame Roland / Ed. C. A. Dauban. P., 1864. P. 257.*

³ См.: *Алексеев-Попов В.С. "Социальный кружок" и демократическое республиканское движение 1791 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 176—196.*

⁴ *Dumont E. Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premieres Assemblees legislatives. P., 1951. P. 176—177.*

- ⁵ *Gregoire A.* Op. cit. T. 2. P. 408.
- ⁶ *Dumont E.* Op. cit. P. 178—179.
- ⁷ *Abrantes L. P.* Histoire des salon de Paris: Tableaux et portraits du grand monde sous le roi Louis XVI, le Directoire, le Consulat en l'Empire, la Restauration et la regne de Louis-Philippe. P., 1893. Vol. 1. P. 29—30; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P. 234.
- ⁸ *Roland M.-J.* Lettres de madame Roland: (1780—1793) / Publ. par Cl.Perroud. P., 1902. Vol. 2. P. 360.
- ⁹ *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C. A. Dauban. P. 237; Actes du Tribunal revolutionnaire / Recueillis et commentes par G. Walter. P., 1968. P. 210; *Dumont E.* Op. cit. P. 289—300; *Roland M.-J.* Memoires de madame Roland / Publ. par Cl.Perroud. P., 1909. T. 2. P. 451—452, 461; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 370.
- ¹⁰ Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 219.
- ¹¹ *Dumont E.* Op. cit. P. 201.
- ¹² Ibid. P. 201; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T. 2. P. 473—474; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 358; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 210.
- ¹³ *Dumont E.* Op. cit. P. 212; *Dumouriez Ch.-F.* La vie du general Dumouriez. Hambourg, 1795. T. 2. P. 143—144, 152; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P. 348—349, 238—239; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 219; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 400—401; *Louvet de Couvray J.-B.* Memoires de Louvet de Couvray. P., 1823. P. 38—40.
- ¹⁴ *Dumont E.* Op. cit. P. 206—207.
- ¹⁵ Ibid., P. 208; *Petion J.* Memoires inedites de Petion et memoires de Barbaroux et de Buzot. P., 1988. P. 466; *Morse-Sthephens H.* The principales Speeches of the statsmens and orators of the french revolution: 1789—1795. Oxford, 1892. T. 3. P. 427; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 226; *Мартин Письма: 1776—1793.* Пр.; М., 1923. С. 158.
- ¹⁶ *Roland M.-J.* Memoires.../Ed. C. A. Dauban. P. 244.
- ¹⁷ *Dumont T.* Op. cit. P. 207—208, 209—210, 306; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 195, 197; *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.41—42; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C. A. Dauban. P. 306; *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.416, 427—428; *Barbaroux Ch.* Correspondance et memoires de Barbaroux / Publ. par Cl.Perroud avec la collaboration d'Alfred Chabaud. P., 1923. P.461—463, 456—457; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.478—480.
- ¹⁸ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.426.
- ¹⁹ *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.41.
- ²⁰ *Roland M.-J.* Merriiores... / Ed. C.A.Dauban. P.361.
- ²¹ *Dumont E.* Op.cit. P.206—207; Actes du Tribunal revolutionnaire. P.213, 223—224.
- ²² La societe des Jacobins: Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. / Par A.Aulard. T.1—6. P., 1889—1897. T.3. P.457.
- ²³ См.: *Мартин Письма.* С. 158.
- ²⁴ *Robespierre M.* Oeuvres completes de M. Robespierre. T.1—9. P.1910—1968. T.4. P.32.
- ²⁵ Actes de Tribunal revolutionnaire. P. 210. Бриссо полностью подтвердил эти слова Шабо.
- ²⁶ *Forrest A.* Girondins et Montagnards dans une ville de province: exemple de Bordeaux // Girondins et Montagnards: Actes du colloque / Sous la direction d'Albert Soboul. P., 1980. P.149—176 (далее — Actes du colloque).
- ²⁷ См.: *Гусейнов Э.Е.* Исследования и споры о жирондистах в современной зарубежной историографии // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С.19—34.
- ²⁸ *Robespierre M.* Op.cit. T.5. P.83; La societe des Jacobins... T.3. P.669; Histoire Parlementaire de la Revolution franchise ou journal des Assemblees Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815 / Par P.-J. Buchez et P. Roux. P., 1834—1838. T.14. P.132, 183, 186.
- ²⁹ *Dulaure J.-A.* Esquisses historiques des principaux evenements de la Revolution franchise, depuis la convocation des Etat-Generaux jusqu'au retablissement de la maison de Bourbon. T.1—4. P.1823—1825. T.2. P.41.
- ³⁰ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина // Литературное наследство / Под ред. Н.Лукина. М., 1937. Т.29—30. С.529.
- ³¹ *Stael G. de.* Considerations sur les principaux evenement de la Revolution Francaise. P., 1820. T.2. P.28.
- ³² *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.35, 36.
- ³³ *Dumont E.* Op.cit. P.201.
- ³⁴ Ibid. P.207—208.
- ³⁵ *Roland M.-J.* Lettres... T.2. P.428—429.
- ³⁶ *Dulaure J.-A.* Op.cit. T.2. P.41, 43.
- ³⁷ Accusation contre Maximilien Robespierre, par Jean-Baptiste Louvet, a la sceance du 29 octobre 1792 // Louvet de Couvray J.-B. Op.cit. P.338, 34—36,
- ³⁸ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина. С.529.
- ³⁹ Histoire Parlementaire... P.169.
- ⁴⁰ La societe des Jacobins... T.3. P.516—517, 549—550, 565—566.
- ⁴¹ Ibid. P.332, 464—465, 470—522, 540; Histoire Parlementaire... T.14. P.159—¹⁶⁰, ¹⁶².
- ⁴² *Robespierre M.* Op. cit. T.3. P.5—15, 77—99.
- ⁴³ La societe des Jacobins... T.3. P.554, 604—605; T.4. P.16.
- ⁴⁴ *Brissot J.-P.* Memoires: (1754—1793) / Publ. par Cl. Perroud. T.1—2. P.1909—1911. T.2.

- ⁴⁵ Ibid. P.143.
- ⁴⁶ Lettres et pieces interessantes pour servir a l'histoire du ministere de Roland, Servan et Claviere. P., 1792. P.68 (lettres et pieces).
- ⁴⁷ *Barbaroux Ch.* Op.cit. P.149.
- ⁴⁸ Цит. по: *Шоммет А.* 1792 год: Мемуары / Ред. И. Хераскова // Голос минувшего. 1917. № 11—12. С.88.
- ⁴⁹ *Granier de Cassagniac A.* Histoire des Girondins et des massacres de septembre d'apres les documents officiels et inedits. P., 1860. Т. 1. P. 260.
- ⁵⁰ Histoire Parlementaire... Т.14. P.132; Societe des Jacobins... Т.3. P.524—536, 538.
- ⁵¹ *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P.13, 65—68, 77—99; *Stael G. de.* Op.cit. Т.2 P.33
- ⁵² *Dumont E.* Op.cit. P.202.
- ⁵³ *Petion I.* Op.cit. P.426—427.
- ⁵⁴ *Dumouriez Ch.* Op.cit. Т.2. P.156.
- ⁵⁵ La societe des jacobins... Т.3. P.438—441.
- ⁵⁶ См.: *Мапам Ж.П.* Избр.произв.: В 3-х томах. М., 1956. Т.3. С.63—66.
- ⁵⁷ *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P.92.
- ⁵⁸ La societe des Jacobins... Т.3. P.557—558, 564.
- ⁵⁹ Ibid. Т.4. P.77—79. 196
- ⁶⁰ Ibid. Т.3. P.678, 691—692, 697.
- ⁶¹ Histoire Parlementaire... Т.14. P.153—161, 164, 183—184; *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P. 82—83, 88, 98—99.
- ⁶² Histoire Parlementaire... Т.14. P.186.
- ⁶³ La societe des Jacobins... Т.3. P.566.
- ⁶⁴ Ibid. P.576.
- ⁶⁵ Ibid. Т.4. P.3.
- ⁶⁶ *Stael G. de.* Op. cit. Т.2. P.26—28.
- ⁶⁷ *Louvet de Couvray J.-B.* Op. cit. P.34—35; *Barbaroux Ch.* Op. cit. P.458.
- ⁶⁸ *Dumont E.* Op. cit. P.200—201.
- ⁶⁹ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.379.
- ⁷⁰ Ibid. P.400.
- ⁷¹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.212.
- ⁷² *Dumont E.* Op. cit. P.206.
- ⁷³ Ibid. P.212.
- ⁷⁴ Ibid. P.178, 204.
- ⁷⁵ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.418.
- ⁷⁶ Ibid. P.403.
- ⁷⁷ Ibid. P.428—429.
- ⁷⁸ *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. Т.2. P.457.
- ⁷⁹ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.385.
- ⁸⁰ Lettres et pieces... P.118.
- ⁸¹ *Brissot J.-P.* Recueil des quelques ecrits principalement extraits du Patriote Francais relatifs a la discution du partie a prendre par le roi, et de la question sur le republicanisme et la monarchie. P., 1791. P.20—21.
- ⁸² *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A. Dauban. P.234.
- ⁸³ Ibid. P. 247.
- ⁸⁴ *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. Т.2. P.382.
- ⁸⁵ Lettres et pieces... P.142.
- ⁸⁶ *Stael G. de.* Op. cit. Т.2. P.28.
- ⁸⁷ *Bire E.* La Legende des Girondins. P., 1896. P.79—80.
- ⁸⁸ *Roland M.-J.* Memoires... // Ed. A. Dauban. P.234.
- ⁸⁹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.211.
- ⁹⁰ Ibid. P.213, 223—224; La societe des Jabobins... Т.4. P.47.
- ⁹¹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.213, 226.
- ⁹² *Granier de Cassagnac A.* Op.cit. Т.1. P.149.
- ⁹³ *Hamel E.* Histoire de Robespierre. P., 1860. Vol.2. P.283.
- ⁹⁴ *Dumouriez Ch.* Op.cit. Т.2. P.147.
- ⁹⁵ *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. A.Dauban. P.249.
- ⁹⁶ Actes du Tribunal revolutionnaires. P.191; *Roland M.-J.* Lettres... Т.2. P.472.

- 97 Actes du Tribunal revolutionnaire. P.192; *Clemenceau—Jacquemaire M.* Madame Roland. P., 1926. P.71; *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.440.
- 98 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P. 80.
- 99 *Dodu G.* Le parlementarisme et les parlementaires sous la revolution 1789—1799: Origines du regime representatif en France. P., 1911. P.210.
- 100 *Dumont E.* Op.cit. P.201; *Condorcet I. A. N. de.* Oeuvres de Condorcet. P. 1847. T.1. P.51; *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.139—140.
- 101 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.138—142; *Dumont E.* Op.cit. P.200—201.
- 102 *Dumont E.* Op.cit. P.203.
- 103 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.138, 140.
- 104 *Ibid.* P.143—144, 152.
- 105 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. A.Dauban. P.238—239; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.472.
- 106 *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.38, 40.
- 107 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.399—400, 411.
- 108 *Dumont E.* Op.cit. P.205—206.
- 109 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.412.
- 110 *Ibid.* P.367.
- 111 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.188.
- 112 *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.42—43.
- 113 *Dutnont E.* Op.cit. P.29—300; *Histoire Parlementaire...* T.12. P.189—192.
- 114 Речь идет о 6 млн ливров на чрезвычайные расходы выбитых жирондистами в Собрании для министерства Дюмуре (Dumouriez Ch. Op.cit. T.2. P.157)
- 115 Actes du Tribunal revolutionnaires. P.229.
- 116 Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина. С. 484—500; *Алексеев-Попов В.С.* Указ.соч. С.130—136; *Gregoire A.* Op.cit. T.2. P.407; *Clemenceau-Jacquemaire M.* Op.cit. P.68—69; *Dumont E.* Op.cit. P.198; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. G.A.Dauban. P.233—234; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.450.
- 117 *Brissot J.-P.* Recueil... P.15, 16.
- 118 *Ibid.* P.8, 21—22; *Brissot de Warvilles J.-P.* Discours sur la question de savoir si le roi peut etre juge prononce a l'Assemblée des Amis de la Constitution dans la sceance du 10 Juliet 1791 par J.-P. Brissot. P., 1791. P.5—7, 9—14.
- 119 *Brissot J.-P.* Recueil... P.13, 32.
- 120 *Dumont E.* Op.cit. P.177.
- 121 Archives parlementaires de 1787 a 1860: Recueil complet des debats. Legislatifs et politiques des chambres francaise: Serie I: (1787—1799). T.1—54. P., 1867—1965. T.34. P.422.
- 122 *Rabaut J.-P.* Almanach historique de la Revolution Francaise / Redacte par J.-P. Rabaut. P.; Strassbourg, 1792. P.250—251.
- 123 *Dumont E.* Op.cit. P.180.
- 124 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P.353.
- 125 *La societe des Jacobins...* T.3. P.528.
- 126 *Lettres et pieces...* P.73, 74.
- 127 *Stael G. de.* Op.cit. T.2. P.30.
- 128 *Condorcet A.* Op.cit. T.1. P.585.
- 129 *Mors-Sthephense H.* Op.cit. T.1. P.305, 312.
- 130 *Hamel E.* Op.cit. Vol.2. P.341.
- 131 *Soboul A.* Sur la fortune des Girondins // AHRF, 1951. N 122. P.181—185; N 123. P.29; 1954. N 136. P.257—259.
- 132 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.301.
- 133 *Cahen L.* Condorcet et la Revolution francaise. P., 1904. P.14.
- 134 *Chapuisat E.* Figures et choses d'autrefois. Gejeve, 1925; *Luthy H.* La banque protestante et France de la revocation de l'edit de Hante a la Revolution. P., 1959 T2
- 135 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.420; *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.29.
- 136 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.369, 382.
- 137 *Brissot J.-P.* Memoires... T.2. P.208.
- 138 *Ibid.* P.275.
- 139 *Dumont E.* Op.cit. P.211.
- 140 *Barbaroux Ch.* Op.cit. P.450.
- 141 *Petion J.* Op.cit. P.411.
- 142 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. G.A.Dauban. P.248—249; *Roland M.-L.* Lettres... Vol.2. P.415—418.
- 143 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.346, 491.
- 144 *Kennedy M.* L'Oracle des Jacobins des departments: Joan-Louis Garra et ses Annales Patriotique // Actes du Colloque. P.251.

- ¹⁴⁵ *Roland M.-J. Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.452.*
- ¹⁴⁶ *Louvet de Couvray J.-B. Op.cit. P.50.*
- ¹⁴⁷ *Barbaroux Ch. Op.cit. P.438.*
- ¹⁴⁸ *Archives parlementaires... T.34. P.422.*
- ¹⁴⁹ *Barbaroux Ch. Op.cit. P.146.*
- ¹⁵⁰ *Roland M.-J. Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.455.*
- ¹⁵¹ *Roland M.-J. Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P.281.*
- ¹⁵² *Lettres et pieces... P.115, 126—127; Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.172, 281; AP. T.34. P.311—312; Petion G. Op.cit. P.447.*
- ¹⁵³ *Archives parlementaires... T.34. P.312—313.*
- ¹⁵⁴ *Ibid. P.644; Lettres et pieces... P.144; Dorigny M. Recherches sur les idees economiques des girondins // Actes du colloque. P.92.*
- ¹⁵⁵ *Dorigny M. Op.cit. P.100—101.*
- ¹⁵⁶ *Ibid. P.79—93.*
- ¹⁵⁷ *Lettres et pieces... P.145.*
- ¹⁵⁸ *Dorigny M. Op. cit. P.102.*
- ¹⁵⁹ Процветающим “торговым домом”, специализировавшимся на продаже зеркал, владел Жен-Луи Трюд, близкий родственник г-жи Ролан, тесные связи с которым она поддерживала вплоть до конца 1791 г. Имение Трюд в Во в 1795 г. перешло к дочери г-жи Ролан, Эудоре.
- ¹⁶⁰ *Garat D.I. Memoires historiques sur M. Suard, sur ses ecrits et sur XVIIIe siecle. P., 1820. T.2. P.327—329.*
- ¹⁶¹ *Soboul A. La France a la veille de la Revolution. P., 1969. T. 1. P. 128; Luthy H, Op.cit. T.2; Chapuisat E. Op.cit.*
- ¹⁶² По мнению французского исследователя Ж.Мейера, чаяниям торговцев и судовладельцев Нанта отвечала политика жирондистов осенью—зимой 1791/92 г. (*Meyer J. L'armement nantais dans la deuxieme moitie du XVIII-ieme siecle. P., 1969. P.253*).
- ¹⁶³ *Bordeaux aux XVIII siecle / Sous la direction de F.-G. Parise. Bordeaux, 1968. Ch. V; Гордон А.В. Федералистский мятеж. Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г. // Французский ежегодник: 1967. М., 1968. С.86—107.*
- ¹⁶⁴ *Archives parlementaires... T.34. P.312; Dorigny M. Les Girondins et le droit de propriete // Bulletin d'histoire economique et sociale de la Revolution Francaise: 1980—81. P., 1982. P.15—31.*
- ¹⁶⁵ *Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.250—255, 263, 293; Archives parlementaires... T.34. P.311—313, 417, 419, 420; Lettres et pieces... P.10, 16; Dorigny M. Les Girondins et Jean-Jacques Rousseau // AHRF. 1978. N -234. P.573—582; Chomie J. Les Girondins // Acte du colloque. P.31-433.*
- ¹⁶⁶ *Социальная психология классов. М., 1985. С.128, 132—134.*
- ¹⁶⁷ *Там же. С. 128—130; Бунин И.М. Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978. С.72.*
- ¹⁶⁸ *Brissot J.-P. Memoires... T.2. P.190; Barbaroux Ch. Op.cit. P.183; AP. T.34. P.310—311, 427, 451; Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.273, 289, 269, 274, 301; Godechot J. La Penses revolutionnaire en France et en Europe: (1789— 1799). P., 1964. P.158; Histoire Parlementaire... T.12. P.177, 179; Rabaut J.-P. Op.cit. P.190, 207—208; Lettres et pieces... P.14—15, 48, 58; Petion J. Op.cit. P.411; Courier de quatre-vingts departements. II.V 1792.*
- ¹⁶⁹ *См.: Адо А.В. Великая французская революция и ее современные критики//Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986. С.96—126.*
- ¹⁷⁰ *См.: Марченко М.Н. Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985. С.142.*
- ¹⁷¹ *Рабочий класс в странах Западной Европы: К изучению социальных основ политического поведения. М., 1982. Гл.IV.*
- ¹⁷² *Там же. С.201.*
- ¹⁷³ *Там же. С.202.*
- ¹⁷⁴ *Используя термины “правящая элита”, “политическая элита”, “идеологическая элита”, автор опирался на определения, данные в кн.: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. М., 1985.*